

ЛУГА ТЬМЫ

Никогда не сдавайся,
и судьба сама укажет
верный путь.

НАДЕЖДА ЧУБАРОВА

Суперлуние

Надежда Чубарова

Слуга тьмы

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Чубарова Н. А.

Слуга тьмы / Н. А. Чубарова — «АСТ», 2018 — (Суперлуние)

ISBN 978-5-17-110991-2

Так ли беззаботна жизнь колдуна, который с легкостью перемещается в пространстве и одним только взглядом вызывает огонь? И так ли безопасна встреча с себе подобным? Найдана ищет обычной тихой жизни, но сама жизнь постоянно напоминает ей, кто она есть на самом деле. И вот ей снова приходится переживать потери, сражаться с сильнейшими, бороться за жизнь близких и пытаться сохранить свою собственную. И как среди всего этого суметь распознать и не упустить что-то действительно важное и ценное?..

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110991-2

© Чубарова Н. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Предчувствие грозы	9
Глава 2. Заколдованная деревня	26
Глава 3. Вырвавшаяся тьма	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Надежда Чубарова

Слуга тьмы

© Надежда Чубарова, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Порой жизнь приносит много слез и боли, но только жизнь дает
возможность испытать настоящее счастье*

Пролог

Меня зовут Найдана. Это имя мне дали приемные родители. То, что они приемные, я узнала лишь спустя двенадцать зим, на обряде имянаречения. Да и то, если бы не Кхарунда, которая хотела меня тогда убить, я бы, может, до сих пор ничего бы не знала. Мои родители были так добры со мной, что никому даже мысли не приходило, что они мне не родные. Зара – моя приемная мать – рассказала, что Кхарунда предлагала отдать меня богам, еще когда я была совсем родишкой. Именно тогда жрица впервые попыталась убить меня. Именно поэтому им с моим приемным отцом Визимиром пришлось сбежать из родного поселения. Но Кхарунда снова нашла нас.

Пока я жила с родителями, мы не бедствовали. Даже задумываться не приходилось о куске хлеба или чистой рубашке. Позже мне довелось испытать нужду, но до этого я прожила двенадцать счастливых лет. Матушка готовила мне богатое приданое и мечтала, какой будет моя дальнейшая жизнь. Рядом были добрые соседи и Пересвет – мальчишка с взъерошенными светлыми волосами и серыми, как грозовые тучи, глазами. Я люблю грозовые тучи, люблю ливень, вспышки молний. Мне нравился Пересвет. И, похоже, я ему тоже... Может быть, матушка имела в виду его, когда говорила о моей будущей свадьбе?.. Теперь уж все позади... Кто знал, что все это может рухнуть в один миг?

Когда я познакомилась с Ведагором? Мне кажется, я знала его всегда! Точно так же, как всегда при мне были странные умения, не подвластные другим людям. Они так пугали мою матушку, а я хохотала, когда она принималась заливать водой пламя, которое я разожгла взглядом, или по нескольку раз, ругаясь, закрывала дверь, которую я тут же открывала, даже не прикасаясь к ней. Моя добрая матушка... Она должна была прожить еще долго-долго... Моих родителей убил жестокий колдун Ворон. В ту зиму у меня должен был появиться брат или сестра...

Теперь у меня остался только Ведагор. Ворчливый, но добрый, прячущий усмешку за седой бородой. Он не бросил меня, излечил от тяжелой хвори, вытащил практически из навьего царства. Все остальные, даже Пересвет, отвернулись от меня. Сейчас я понимаю, что это было действие колдовства, а простые люди слишком слабы перед ним. Но я больше не хотела никого из них видеть. Не хотела, чтоб те места и те люди напоминали мне о моей боли. Всю зиму я прожила у Ведагора в землянке. И не было дня, чтоб я не обдумывала, как отомстить Ворону. Такое нельзя прощать!

Ведагор отговаривал, но потом пообещал помочь мне. Он рассказал, что существует пророчество, где говорится, как можно победить Ворона. Вскоре мы с ним отправились за волшебным зеркалом. Тогда впервые я узнала о месте, где собираются темные силы и чудища, впервые увидела огненную реку, протекающую в глубине пещеры. Одно чудовище преследовало нас и даже попыталось вырваться наружу, но Ведагор успел закрыть проход.

Ведагор создал необычайный медальон, который стал ключом для прохода в другие миры. Другого такого на свете нет.

Потом мне пришлось пробраться сквозь зеркало в далекое грядущее, чтоб отыскать там ведьму по имени Сон-трава. Кто бы мог подумать, что можно вот так запросто встретиться со своим дальним потомком! На самом деле было очень трудно найти ее в этом невероятном мире, среди странных людей, где девки ходят в срамных штанах и с обрезанными косами, где железные чудища рыщут по каменным дорогам и глотают людей, где повсюду крепости уходят высоко в небо, а стены в них настолько прозрачны, что видно, что творится внутри. Но я нашла ведьму. Узнала ее по моему медальону. И Сон-трава согласилась мне помочь.

Часть пророчества нам дала старая слепая ведьма Зугарха. Одна рука ее иссохла до самых костей, а глаз не было вовсе. Но несмотря на дряхлость, ведьмой она была настолько могуще-

ственной, что даже Ведагор, многое повидавший на своем веку, побаивался ее. Она жила на границе двух миров – яви и нави, была вхожа в эти оба мира, и уже это вселяло во всех трепет и ужас. Помнится, тогда Зугарха подарила мне свой гребень и произнесла странные слова: «Ты еще вернешься ко мне, девка». Что бы это значило? Неужто мне снова придется обращаться к ней за помощью?

Ведагор нашел мне жилье в маленькой деревне, затерянной среди лесов. Жители отнеслись ко мне по-доброму, я даже обзавелась подружкой по имени Беляна. Несмотря на то, что она была чуть старше меня, уже успела выйти замуж, родить троих детей и овдоветь. Много жизнь ее била, но Беляна не растеряла веселого нрава, легкости и доброты. Я поселилась в маленькой заброшенной избышке рядом с Беляной, и мы часто по-соседски выручали друг дружку.

И вот однажды Ворон снова нашел меня. Все шло по плану, и даже это входило в наш план. Но то, что произошло дальше, никто не мог предугадать. Ворон рассказал какие-то немыслимые вещи! Что он – мой настоящий отец. Что мою мать убил Ведагор. Что я теперь должна продолжить его дело. Все это никак не укладывалось у меня в голове. Все, во что я верила, рушилось прямо на глазах. Я не могла быть темной ведьмой. Только не это!

Но, вспоминая, как Ведагор опасался, что я прикоснусь к черной магии, как остерегал меня от этого и даже требовал, чтоб я клялась, что никогда не буду пробовать, я поняла, что он давно знал, кто я такая.

Очень тяжело признать, что твой главный враг – твой отец. Нет-нет! Мой отец – Визимир! А моя мать – Зара! А Ворон жестоко убил их. И даже то, что Зара ждет ребенка, не остановило его. Такому не место в моем сердце. Ему не должно быть места даже в царстве яви!

Это был странный бой. Временами в своих действиях мы становились похожими на темных. Но, видать, другими способами черных магов не одолеть. Ворон был очень силен. К тому же он бессмертный. Что можно сделать бессмертному? В отчаянии я пошла на крайний шаг. Ведь, что ни говори, я темная ведьма, так почему бы не использовать то, что далось мне по родовому наследию: черную магию – магию на крови?

Мы одолели Ворона. Он превратился в обычную птицу. Бессмертную, но безвредную птицу. Теперь мои родители были отомщены. Теперь наконец можно жить спокойно.

Он стоял на коленях с опущенной головой. Вряд ли сейчас он смог бы самостоятельно встать на ноги, да и учитель не позволил бы. От побоев и голода он сильно ослаб, но изо всех сил старался держаться и не упасть. Ученики – мальчишки лет десяти – двенадцати – давно привыкли, что повелитель нещадно расправлялся с провинившимися, но на этот раз он превзошел себя. Ученик всегда отличался непокорностью. И учитель не упускал возможности хорошенько выбить дурь из его башки.

– Ты снова ослушался меня, Бзыря. Ты помешал наполнить мою жизнь, – его голос был ровным и сдержанным, но в нем сквозили злость и раздражение. – Или ты хочешь, чтоб я забрал себе *твою* никчемную жизнь?

– Но господин... – робко возразил один из учеников. – Намедни мы собрали для тебя несколько жизней.

Колдун бросил на него недовольный взгляд, и мальчонка тут же в страхе сжался и пожалел о том, что посмел возразить ему.

– Мне мало этих лет! – с негодованием выкрикнул повелитель. – Что взять со стариков, у которых жизни осталось пару дней? Мне нужно сердце колдуна! Вы не способны даже на такую малость!

Колдун замолчал, чтоб справиться с гневом, и через какое-то время продолжил ровным голосом:

– В наказание ты будешь заточен в горе и станешь жить один, пока луна не пройдет сто жизненных циклов. Думаю, этого времени тебе хватит, чтоб все обдумать. Впрочем, я позволю

вернуться тебе раньше, если ты добудешь для меня сердце колдуна. Самого сильного из всех. Того, который повелевает стихиями и может колдовать даже в тех местах, где магия под запретом, потому что все уступает его силе. Его сердце сделает меня бессмертным, и тогда, пожалуй, я позволю тебе вернуться, – колдун развернулся и ушел прочь.

Когда он скрылся, среди учеников раздался робкий шепот:

- Сто лунных циклов!.. Это же сколько в годах-то?
- Как он найдет колдуна, если будет в заточении?..
- Даже если найдет, как он сможет с ним справиться?
- На этот раз повелитель отправил его на верную смерть...

Но даже в отсутствие повелителя никто не посмел подойти к провинившемуся и заговорить с ним. Послышался резкий окрик, и ученики заторопились к выходу. Только когда все ушли, Бзыря без сил свалился наземь.

Глава 1. Предчувствие грозы

Итак, произошло нечто очень важное. Родители Найданы были отомщены, ей самой теперь ничего не угрожало, но временное облегчение сменилось вдруг необъяснимой тоской. Что ни говори, а колдун, которого они только что победили, был ее родным отцом. Меньше всего Найдана хотела думать об этом. Забыть! Забыть тот разговор и всю эту историю. Как она могла оказаться его дочерью?

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Ведагор, наблюдая, как Найдана задумчиво надевает на шею волшебный медальон, задержавшись рукой на непривычно коротких волосах, которые топорщились у нее на затылке. Вместе с волосами Ворон лишил ее и силы.

– Хорошо, – ответила Найдана и неловко улыбнулась, будто застигнутая врасплох.

– Подойди-ка ко мне, – велел Ведагор, и она послушно сделала шаг в его сторону.

Старец пристально посмотрел ей в глаза. Этот взгляд был знаком Найдане, Ведагор и раньше смотрел на нее так, будто хотел прочесть ее мысли или даже больше, чем просто мысли. Вот только в этот раз Найдана не выдержала его взгляда и отвернулась. Ведагор прикоснулся пальцами к ее подбородку и снова повернул к себе. Теперь он смотрел на нее с тревогой. Найдана невольно противилась и, сама не понимая почему, старалась отвести взгляд.

– Ты использовала черную магию! – пораженный своей догадкой, воскликнул старец.

– Нет, что ты, – криво усмехнулась Найдана и поспешила отойти, но Ведагор так сильно схватил ее за запястье, что она невольно ойкнула. Старец вывернул ее руку ладонью вверх. Поперек ладони краснел свежий порез. Он был кривой, с рваными краями, не такой, как оставляет после себя острый нож, и настолько свежий, что снова закровил от резкого движения.

– Ты использовала черную магию... Магию на крови... – в ужасе прошептал Ведагор. Теперь он в этом убедился.

– У меня не было выбора, – Найдана попыталась освободить руку, но Ведагор неожиданно сам отпустил ее. Потирая запястье, Найдана отошла к зеркалу и взглянула на свое отражение. Оно было прежним, таким же, как раньше, до всего, что произошло потом. Как Ведагор мог узнать про черную магию? Ведь Найдана совсем не изменилась.

– Что ты говоришь? – спросил Ведагор, будто не расслышал ее слов. – Выбор всегда есть!

– У меня не было выбора, – спокойно повторила Найдана и повернулась к нему. – Это было в видении. Помнишь, ты показывал тогда в лесу? Ты же сам говорил, что будущее нельзя изменить, его можно только пережить. Все произошло так, как было предсказано.

– Что ты наделала!.. – выдохнул Ведагор и тяжело опустился на лавку, будто у него ноги подкосились.

– Но ничего же страшного не случилось, – поспешила успокоить старца Найдана. – Это произошло всего один раз, и больше я не буду...

– Ты не понимаешь... Ты – темная ведьма. А стоит темной лишь однажды ощутить свою суть, и обратного пути уже не будет. Не было еще такого, чтоб темный смог остановиться.

– Но ничего же не произошло, – Найдана постаралась улыбнуться как можно задорнее, но улыбка вышла кривой.

– А ты не заметила, что тьма дала тебе силы? Как ты зажгла огонь, если твои волосы острижены? Ты должна быть сильно ослаблена.

Найдана коснулась шеи, на которой теперь не ощущалось привычное тепло от косы. И правда, она, даже не задумываясь, зажгла взглядом огонь в очаге, едва они вошли в избу. Но ведь силы покинули ее в тот момент, когда Ворон отрезал ее косу.

– Тьма дает тебе силы. Как только ты применила черную магию, тьма завладела тобой.

– Но я не чувствую изменений, – Найдана жалобно взглянула на старца. – Как мне теперь быть? Все это ведь было сделано для того, чтоб победить тьму.

– Ее невозможно победить. Вся жизнь – это борьба с тьмой, а твоя борьба будет тяжелее любой другой. Ты попробовала черную магию, твоя темная сторона проснулась и будет постоянно требовать еще и еще.

– Я справлюсь! – в отчаянии крикнула Найдана.

Ведагор лишь пожал плечами.

– Дай мне руку, – тихо вздохнул он.

Найдана послушно показала ладонь. Прошло уже много времени с того момента, как она нанесла себе эту рану, но кровь не останавливалась и по-прежнему медленно сочилась из нее.

– Болит... – улыбнулась Найдана, но получилось как-то кисло.

– А ты как хотела? – проворчал старец. – Это черная магия, она так просто не дается. Никогда! Никогда больше не смей ее касаться! Ты поняла?

– Угу...

Ведагор порывлся в холщовых мешочках, привязанных к его поясу, выбрал один и достал оттуда берестяную коробочку. Он зачерпнул пальцем густую зеленую массу и осторожно мазнул ею по ладони Найданы.

– Что? Больно? – спросил он, заметив, как Найдана поморщилась. – Терпи вот теперь.

Найдана промолчала. Закусив губу, она смотрела, как Ведагор вымазывает ее ладонь в зелье. Вот он обернул ее руку тряпицей, и Найдана тут же с удивлением почувствовала, что рана перестала болеть.

– Все пройдет, – приговаривал Ведагор. – Телесные раны затягиваются быстрее душевных. И излечить их проще.

– Нужно куда-то спрятать зеркало. Нельзя, чтоб люди его видели: слишком приметная штукавина, – сказала Найдана.

– Но не тащить же его обратно! – пожал плечами Ведагор. – Глядишь, оно тебе еще когда-нибудь пригодится.

– Ни за что! Никогда в жизни я не шагну в тот ужасный мир! Не представляю, что когда-нибудь мои правнуки будут жить среди тех глазастых чудовищ. Как вспомню... – Найдана вздохнула. – А воняют-то они как! Нет, ни за что туда снова не пойду. Хранить буду, потому что знаю, оно еще Сон-траве понадобится, но сама никогда не воспользуюсь.

– Ладно, я подумаю, как его спрятать, – задумчиво погладил бороду старец.

Ведагор ушел, унося с собой ворона. Странное чувство тоски вдруг обуяло Найдану. Ей никак не удавалось понять, чем оно вызвано. Ведь нужно радоваться, все остались живы, колдун побежден, Сон-трава ушла к себе, и поток времени не нарушен.

Что-то кольнуло в бок. Будто жесткая соломинка случайно попала за пояс и настойчиво царапает тело, давая о себе знать. Найдана просунула палец за тканную полоску, туго обхватившую ее талию, и нащупала гребень. Ну, конечно же! Разве он теперь удержится на остриженных волосах? Вот Найдана и сунула его за пояс, а потом совсем про него забыла. Гребень Зугархи. Найдана положила его на ладонь. Какой он невероятно теплый, словно живой. Разве раньше он был таким? Или, после того как гребень попробовал ее крови, в нем проснулась неведомая доселе сила? Да ну, глупости! Найдана даже усмехнулась. Ведагор со своими предупреждениями совсем ее запугал. Просто гребень нагрелся от ее тела, вот и все. И ничего в этом нет таинственного или странного. Любой камень за пазуху засунь – он теплым станет. А гребень – он гребень и есть. Обычный, костяной. Годный только чтоб косу чесать. Найдана подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение. Короткие волосы неряшливо топорщились на затылке, спереди свисая более длинными прядями. Найдана прижала ладонью непослушные вихры, попыталась расправить и уложить их ровнее, завела одну длинную прядь за ухо, потом вытащила обратно. У иного парня и то волосы длиннее, а она девка. Этак без платка и на улицу теперь не выйти. Найдана вздохнула, сожалея о своей длинной косе, и провела греб-

нем по волосам. Рука, привыкшая к долгому движению по длине волос почти до колен, резко срывалась в пустоту сразу возле шеи. Непривычно. Но если закрыть глаза и представить...

Найдана медленно провела гребнем по волосам. Медленно и долго, будто они опять длинные. От макушки и вниз. Ниже груди, до талии. Если не думать, что она водит гребнем в пустоте, то можно даже поверить, как сквозь зубцы гладко скользят волосы. В какой-то момент Найдана даже почувствовала на шее и спине тепло от их мягкого прикосновения и непередаваемое ощущение силы, такое знакомое ей с детства. И что-то новое, манящее, заставляющее прислушиваться к себе. А ведь и правда странно, что, лишившись волос, она не потеряла силу. Та пара дней в жилище Ворона не считается. Ведь по всем поверьям, ведьма вместе с волосами лишается и силы до тех пор, пока волосы снова не отрастут. Даже Ворон знал об этом. Что же пошло не так?

Найдана в какой-то момент даже забыла, что у нее нет косы, настолько четкими были ощущения. Главное – не открыть глаза и не увидеть в зеркале свое отражение. Раз за разом Найдана проводила гребнем и все больше верила в свою придумку. Она даже чуть повела головой, как это делала раньше, когда гребень наткался на запутанную прядь. А потом тряхнула головой, чтоб длинные волосы ровно рассыпались по плечам.

Вдруг раздался резкий грохот, звон и быстрый шорох. Найдана вздрогнула и открыла глаза. На полу возле очага валялись осколки небольшой плошки. Должно быть, мышь в поисках съестного пробежала и спихнула ее.

Найдана перевела глаза на свое отражение в зеркале: по-прежнему нелепо остриженная голова, рука с гребнем зависла в воздухе, расчесывая воображаемые волосы, а взгляд – странный, дикий, напуганный внезапными звуками.

– Божечки, вот дурость-то! Придуманную косу чесать! – Найдана смутилась от увиденного и, миг раскрасневшись, стыдливо отбросила гребень на стол, желая поскорее избавиться от него руки, словно и не было ничего. – Не хватало, чтоб меня кто-то увидел за таким...

Она торопливо повязала на голову платок, прикрыв отсутствие косы, и накинула на зеркало покрывало, чтоб единственный свидетель ее неловкости не насмеялся над ней и не укорял в глупости. А гребень спрятала подальше в укладку, которую задвинула глубоко под лавку так, что послышался глухой удар о стену. Долго он еще не понадобится. Уж зиму так точно. Пока еще волосы отрастут хотя бы до плеч!

Найдана принялась собирать с пола черепки. Да наварить надо бы хоть чего-нибудь. Что те ягоды, которые они ели по пути: разве ими наешься? А чтоб наварить, нужно прежде воды принести. Дел-то еще о-го-го сколько! До ночи все нужно успеть, а она на разные глупости отвлекается. Вот только чем бы она ни занималась, а мысли снова и снова возвращали ее к гребню и к тем ощущениям, которые она испытала, расчесывая воображаемую косу.

Найдана уже легла спать, а все вспоминала, как гладкие пряди плавно скользят между костяных зубьев. И неведомое доселе чувство разливается по телу. То ли это нега, окутывающая ее покрывалом блаженства, то ли сила, которую Найдана еще пока не познала, но очень скоро познает. Да что за навязчивые мысли! Вот прицепились! Она перевернулась на другой бок, пытаясь отогнать их. Какое-то время она так лежала, борясь с желанием, но вскоре не выдержала.

– Ладно, еще разок. Я только проверю, показалось мне или нет. Только один раз, – твердо пообещала сама себе Найдана и слезла с лавки.

Она вытащила укладку, порылась там и достала гребень. Тот был все таким же теплым, будто так и лежал возле ее тела, а не в сундуке под лавкой. Найдана могла поклясться, что раньше ничего подобного не случалось, раньше это был обычный гребень, такой же, как все прочие. Правда, подаренный могущественной ведьмой... Неужели то колдовство так подействовало на него? Темная магия... Магия на крови... Ведагор говорит, что ее нужно опасаться. Но даже если все эти перемены связаны с темной магией, они так манят! Ведь Ведагору вовсе не

обязательно знать обо всем. Да и не делает она ничего плохого, просто расчесывает волосы. Все ведь расчесываются. Найдана провела гребнем по волосам и дальше в пустоту, словно волосы доходили ей до пояса. Для пущей достоверности она опять закрыла глаза. Теперь волосы снова казались ей длинными. Найдана даже ощущала руками шелковистость, тяжесть и тепло на спине от их прикосновения, и эти ощущения были удивительно реальны. А еще ее обуяло невероятное, умиротворяющее спокойствие, от которого все вокруг стало казаться неважным и незначительным. Это было хорошо. Все отступало, затягиваясь легким рыжеватым туманом. Где-то она видела такой. У Зугархи! Не мудрено: гребень-то ее, вот и вспомнилось. Но глаза открывать не хотелось. Даже этот туман не раздражал, не пугал, он был как само собой разумеющееся. Естественный. Близкий.

Удобно поджав под себя ноги, Найдана с закрытыми глазами сидела на постели, расчесывала невидимые волосы, перебирала несуществующие пряди и тихо улыбалась.

Этой ночью Найдана плохо спала. Казалось бы, накопившаяся за эти дни усталость должна была дать о себе знать, погрузив ее в крепкий, ровный сон без сновидений, но нет. Смутные образы, значения и смысла которых она не понимала, терзали ее, бередя душу. То ли черная магия, которую она попробовала на днях, так откликнулась в ней, то ли таково было действие гребня, в силе которого Найдана уже не сомневалась. Проснувшись, Найдана долго думала об этом. Нет, это не может быть из-за гребня. Ведь что гребень – обычная вещица, выточенная из кости. Разве может вещица, дающая мимолетную радость днем, приносить такую тревогу по ночам? Нет, Найдане не хотелось в это верить, слишком уж нравились ей чувства, которые дарил гребень, когда она расчесывала невидимые волосы. Признать в нем зло означало отказаться от него. Должно быть, это и правда последствия черной магии. Не зря Ведагор предупреждал ее. Да, это точно из-за магии на крови. Никогда больше она не прикоснется к тьме! Слишком уж неприятные последствия. Вдобавок в ее сон закрадывался непрекращающийся вой с улицы, придавая кошмарам еще более тревожную нотку. Неужели волки подошли так близко к деревне? Или это лишь игра воображения?

Но когда ночные образы развеялись, Найдана и вовсе перестала думать о них и об их причине. Она доела кашу, предусмотрительно поставленную с вечера на пол, ближе к порогу, где сквозь щель проникал прохладный ночной воздух. Каша была несоленая, но Найдана уже привыкла есть без соли любую еду, только изредка вспоминая, какой мог бы быть вкус у этой пищи, будь она хоть чуточку приправлена. Похоже, в этой деревне и слыхом не слыхивали о какой-то соли. И вместо того, чтоб впрок засолить грибы, мясо или рыбу, их попросту сушили.

Нужно было сходить за хворостом, насобирать его про запас. Впереди долгая зима, поэтому сушняку лучше бы натаскать как можно больше, чтоб потом не ползать по пояс в сугробах в поиске обломанных веток. В тех избах, где жили и мужики, уже давно были заготовлены целые бревна, а ей под силу только ветки принести. Деревья, поваленные непогодой или высохшие на корню и упавшие от старости, ветки, сбитые ветром, – все шло на растопку. Живые деревья вырубали на дрова редко, разве что расчищая новое поле под засев. Тогда прощали у каждого сваленного дерева за то, что лишили его жизни. Да и то на дрова шли только тонкие, ни на что больше не годные стволы, а тем, что потолще, давалась новая жизнь в виде какой-то постройки.

Найдана сложила в котомку веревку и краюху хлеба, перекинула ее длинную постромку через голову и вышла из избы. И тут же наткнулась на недовольный взгляд огромного черного пса, сидевшего возле дома Беяны. Понятно, чей вой она слышала всю ночь. Вовсе это не волки. Пес, не сводя с нее взгляда, тихо рычал, нервно скаля огромные острые зубы. Никогда прежде Найдана не видела таких собак. Пес был большим, с густой клочковатой шерстью. Где Жировит и раздобыл-то его? И как вчера они не заметили пса, когда вернулись в деревню? Найдана настороженно огляделась по сторонам – как же тут люди ходят мимо такого чудища?

Но вокруг не было ни души. Должно быть, все разберлись по своим делам: пора-то какая – самое время грибы-ягоды собирать да делать припасы на зиму. Даже детишкам найдется дело. Хорошо поработай в летний день, и он не один зимний день выкормит. Найдана сделала шаг. Пес тут же подскочил и с быстротой молнии бросился на нее, оглашая всю деревню разъяренным лаем, временами переходящим в хрип. Найдана в ужасе отшатнулась, упершись спиной в дверь своей избы. Но пес не тронул ее: веревка, на которую он был привязан, туго натянулась, сдавив его шею и не дав больше сделать ни шага. Впрочем, пес не понимал, почему не может добраться до девушки, он рвался вперед, припадал на лапы и рыл землю. Веревка так сильно впивалась ему в шею, что глаза у него выпучивались, демонстрируя сверкающие белки. И все же пес не оставлял надежды добраться до Найданы: даже полупридушенный, он не ослаблял напор, хрипел и разбрызгивал слюни. Привязь отбрасывала его назад, ослабевала, он снова чувствовал свободу, силу и опять целеустремленно бросался на Найдану, свирепо лязгая зубами, пытаясь достать ее.

– Хотя бы хватило ума привязать его, – выдохнула Найдана. – Ишь, брехун какой!

Она осторожно, бочком, на приличном расстоянии обошла пса стороной. Тот заливался в злобном лае, недовольный, что ему не удалось цапнуть ее хотя бы за ногу. А лучше бы и вообще вцепиться в горло. Найдана поспешила к воротам, а пес все огрызался ей вслед, даже когда она скрылась из виду.

«Зачем заводить такую злобную псину? – размышляла Найдана. – Неужто сокровища Жировита и впрямь настолько ценные, что их нужно вот так охранять? А как же дети Беляны? Опасно же! Этой псине, похоже, без разницы, на кого набрасываться».

У ворот сидел Дакша. Странно, что он не услышал лая, не подошел помочь или хотя бы посмотреть, в чем дело. Опершись щекой о посох, он с грустью смотрел куда-то вдаль, а легкий ветерок трепал его волосы и бороду.

– Здрав будь, дед Дакша, – поприветствовала его Найдана.

Старик не ответил. Он будто даже не расслышал, что она сказала, будто и не заметил, что она рядом, настолько был погружен в свои мысли. Раннее низкое солнце пыталось ласково разгладить желтыми лучами морщины на его лбу, словно говоря: все пройдет, не печалься, не хмурься. Но он словно бы не замечал даже солнца. Найдана пошла дальше. Если человек не хочет с ней разговаривать, то и не стоит навязываться. Все здесь с каждым днем становилось более странным. Даже вот дед Дакша, который принял ее весной в этой деревне и выделил отдельную маленькую избушку.

Но проходя мимо старика, Найдана слышала тихие неразборчивые слова. Она остановилась, подумав, что дед обращается к ней, и подошла ближе, чтоб расслышать.

– Горе мне... – тихо причитал Дакша. – Не думал, что доживу до такого, чтоб увидеть, как брат брату куска хлеба жалеет. Да разве об этом мечтали мы с Терехой? Стоило ли затевать все это, чтоб увидеть, как род умирает...

Найдана не знала, что сказать. Да и не ей дед это говорил, а самому себе. Найдана стояла, переминаясь с ноги на ногу: уйти сейчас было неловко, а остаться – значило поддерживать беседу, которую он вел не с ней, тоже нехорошо. Сутулые плечи старика мелко задрожали, он судорожно вздохнул, и Найдана поняла – дед Дакша плачет. Плачет от бессилия. Молча. Найдана растерялась. Никогда прежде она не видела, как плачет мужчина. Пусть даже такой седой старик. Что следует делать, когда плачет мужчина? Это ведь не то же самое, что пожалеть плачущую девку, или бабу, или дите. Найдана протянула руку и робко коснулась его выбеленной долгими годами головы. Дакша вздрогнул от едва ощутимого прикосновения и поднял на нее непонимающий взгляд. Он будто только сейчас увидел ее возле себя.

– А, это ты, – устало пробормотал он. – Давно ты тут?

– Я только что подошла. За хворостом иду, – пояснила Найдана.

– Вот да, за хворостом... – задумчиво повторил дед. – А раньше все вместе ходили. И в поле все вместе, и в лес за грибами. Знаешь, каково у нас тут раньше было? Да откуда тебе знать-то, ты уж, поди, и не застала тех времен-то.

Найдана уже не раз слышала эту историю. Однажды много-много зим назад дед Дакша, когда он еще был вовсе не дедом, а совсем наоборот – крепким молодым человеком, вместе со своим старшим братом Терехой решил покинуть родную деревню и основать свою собственную. Род их прадеда разросся настолько, что ему стало тесно на участке земли, с одной стороны ограниченным широкой рекой, а с другой лесом. Да, рабочие руки никогда не бывают лишними, но работяг нужно кормить, а чем, если земля стала плохо родить и дичи перестало хватать на всех? На совете приняли решение, что кому-то нужно уйти, чтоб остальным хватило пищи. Выбор пал на двух старших сыновей Годима. Они к тому времени были уже достаточно взрослыми, у каждого была своя семья и дети, каждый мог и избу срубить, и поле засеять – в жизни не пропали бы. Но чтоб уж наверняка выжить, мужики отправились вдвоем. Вместе-то сподручнее. Отец на то спросил для них благословение у богов, дал пять мешков овса да репы, семян кое-каких, корову тельную за повозкой привязали, курей, гусей – собирали всем родом, кто чем мог делился, потому что все понимали, на новом месте им будет ой как тяжело. Братья собрали свои семьи, попрощались с родными и по последнему снегу двинулись в путь. Они знали, что, скорее всего, уже никогда больше не увидят своих сородичей.

Несколько дней, а то и седмиц они шли, прежде чем нашли подходящее место для деревни. Тихое, вдалеке от большой дороги, запрятанное в лесу. Далеко от торгов, но и лихие людишки в такие места очень редко забредали. Рядом река с холодными ключами – хороший знак: жизнь-то возле воды зарождается, а родник, пульсирующий из-под земли, – чем не символ жизни.

Затея зарождалась новую деревню оказалась нелегкой. Досталось всем: и братьям, и их женам, и даже малым детям – все работали, не покладая рук. Особенно в первое время, когда разом нужно было и жилье обустраивать, и хлеб выращивать. Это на обжитом месте поле подготовленное, удобренная земелька, как пух мягкая. А здесь пришлось пни выкорчевывать да камни вытаскивать. В первый год посеяли все зерно, что у них было, зная, что на неизведанной земле может быть плохой урожай, так хоть что-то собрать. Зерно посеяли, сами же перебивались, чем приходилось, а тем временем второе поле к следующему году готовили: выжигали пни, распахивали землю, вывозили камни. По счастью, урожай в тот год удался богатый. То ли отдохнувшая земля так обрадовалась заботе и отблагодарила сполна, то ли боги сжалились над людьми, видя их старания и лишения. Так год за годом росла и обустраивалась новая деревня, которую ее обитатели прозвали Годимово – в честь своего отца.

Вот так и жили. Хлеб растили, на охоту ходили, грибы-ягоды собирали. И не было ни на кого обиды, потому что трудились все наравне, наравне и плодами своего труда пользовались. Были общие клети и закрома, куда складывалась вся добыча и запасы. Так и повелось с тех пор – жить общим хозяйством, поддерживать во всем друг друга.

К тому времени, как дети подросли, обнаружили два крепких рода в нескольких верстах от Годимово: Щукари и Боброво. Породнились с ними. В Щукарях сговорились братья невест, а в Боброво отдавать своих. Вон, Беляна тоже из Щукарей пришла. Замуж вышла за старшего правнука Дакши, да после смерти мужа так и осталась в Годимово, не отправлять же обратно, своя же стала. Невеста для своего рода умирает, а в новом роду как бы рождается заново.

С другим народом не знали, на торги не ездили, чтоб не навлечь пришлых людей на селение. Хоть и велят боги гостей привечать, но ведь среди чужаков и лиходеи могут быть – зачем судьбу испытывать? Да и жили на таком отшибе, что из пришлых вот только Найдана была, да Жировит, который чуть раньше нее в деревню попал – зимой. А торги – ну что торги? И так своим хозяйством справлялись: хлеб сеяли, да сами и пекли, репу ту же, горох, животину

вот держали. Бабы все умелые, и ткать, и прясть мастерицы, а мужики на охоту ходили да рыбу ловили. Ни к чему торги-то. Чего такого не видывали на этих торгах?

Найдана подумала, что как раз с торгов отец привозил соль, и ткани диковинные, и украшения, но скромно промолчала. Ни к чему, так ни к чему.

Годимовцы настолько привыкли к обособленности, к тому, что их земли безопасны и разбойники к ним не заходят, что и частокол-то делали не как крепостную стену, с вышками и бойницами, способную защитить их от набегов лихих людишек, а просто чтоб сберечь от вороватого лесного зверья домашнюю живность. А то ведь те не против были похозяйничать в курятниках или даже утащить козленка.

Так и повелось. Много лет прошло с тех пор. Уже выросли дети Дакши и Терехи, подросли внуки и правнуки, родились праправнуки. Давно умер брат деда Дакши, оставив вдовую бабу Ружану, померла и жена самого Дакши, а порядки, заведенные когда-то, хранились и не изменялись. До некоторых пор. А когда эти времена перемен настали – никто и не заметил. Просто однажды вдруг стали отделяться друг от друга малые семьи, стали заводить свои порядки, делить поля, строить собственные закрома. Все вдруг стали искоса поглядывать друг на друга, завидовать достатку соседа и подальше прятать свои пожитки. Раздор и ссоры поселились в избах родичей. Той же Беляне тяжко пришлось: если каждый сам за себя стал, каково ей одной с детишками малыми да без мужика? Вот и сошлась она с Жировитом. А уж как им, таким разным, удалось сговориться – уму непостижимо. Беляна же такая приветливая когда-то была, такая заботливая. А от одного только взгляда светлых, почти желтых глаз Жировита пробирал мороз по коже.

Найдана и не застала тех хороших времен, когда в Годимово жили все в ладу и согласии. Но даже она заметила, что с каждым днем становилось все хуже и хуже. Даже в том селении, где она жила с родителями, не было такой разобщенности. А ведь та деревня вела не такой замкнутый образ жизни, там жило несколько разных родов, отдельные семьи, такие, как семья Найданы. Да, они не вели общее хозяйство, как было заведено в Годимово, но и легко делились добычей с соседями. А здесь каждый греб под себя, все вдруг стали безразличными и безжалостными к чужому горю. И казалось, если на улице будет помирать кто-то с голоду, все пройдут мимо.

– Что же случилось? Почему так стало? – спросила Найдана, выслушав рассказ Дакши.

– Не знаю, что случилось. Вот уж полгода что-то непонятное творится с людьми, с весны, пожалуй. Сначала-то это не так в глаза бросалось, ну, поругались, подрались даже – с кем не бывает? Но ругаться стали все чаще. А потом малыми семьями обособились, да так, что и помощи, случись чего, не допросишься. Чего там помощи, засохшей корки хлеба не подадут! Совсем разума лишились. Словно морок на них напустили. А с некоторых пор и с соседними родами общаться перестали. Совсем отделились от всех. Казалось, построй стену вокруг деревни высотой до неба, а вокруг нее ров огромный вырой до самого сердца земли, так все только счастливы будут, что от остального мира скрылись. Вон, девки подрастают, в невестину пору входят, а их родители и не думают женихов им подыскивать. Видать, конец роду приходит...

– Не горюй, дед Дакша. Образумятся еще, – попыталась успокоить его Найдана.

– Что ж они – дети малые, что ли? У сынов моих вон уже бороды седые, а туда же! Мы, говорят, отдельно друг от друга хотим жить. Знали бы они, с какой болью мы с Терехой из рода уходили, а они, ишь, отдельно! А нас с Ружаной куда? Тоже отдельно?! Или уж сразу на краду?..

Столько боли было в словах Дакши! А Найдана не знала, что ему ответить. Она и сама заметила странные перемены в жителях. Взять хотя бы Беляну – уж как приветлива она была вначале и как изменилась потом. Когда? Пожалуй, после замужества. Найдана-то думала, что это из-за того, что та теперь старается угодить мужу, но другие ведь тоже изменились.

– А нынче, видела, какую псину Жировит возле избы поставил? – продолжил Дакша. – Временами то ли уходит куда вместе с ней, то ли в избе запирает, а то ведь мимо пройти невозможно – загрызет! Не хватало еще, чтоб каждый вот так возле своей избы такую страхолюдину поставил! Но, похоже, все к тому и идет, – он бессильно махнул рукой.

«Понятно теперь, почему давеча мы не встретили эту псину», – подумала Найдана.

– Ладно, совсем я тебя заговорил... Ты же за хворостом шла... Ступай. Дни нынче коротки.

Найдана собирала сухие ветки и все думала над рассказом Дакши. Не могли все люди разом вот так измениться. Однажды она уже видела такие перемены. Нет, даже дважды, и оба раза они были связаны с колдовством. Неужели и теперь?.. Но кто это мог сделать? Вряд ли Ворон, потому что его уже нет, а колдовство продолжает нарастать. Нет, тот ведьмак, который это творит, жив-здоров и находится где-то поблизости. Впрочем, не настолько близко, чтобы Найдана его почувствовала. Окажись он в деревне, она сразу поняла бы это. Но разве можно, не являясь в деревню, напустить на всех морок? Значит, хоть раз, но колдун приходил. Размышляя обо всем этом, Найдана неторопливо поднимала с земли ветки, собирая в охапку, и приносила к тому месту, где были приготовлены веревки. Здесь уже накопилась куча приличных размеров, но Найдана снова и снова уходила за ветками, не задумываясь, сможет ли обвязать эту кучу веревкой, да и сможет ли потом поднять эту вязанку. Изредка в траве показывались упругие шляпки грибов, и Найдана складывала их в небольшую котомку, жалея, что не взяла с собой корзину. Но не оставлять же их в лесу, если они сами просятся в руки.

Чем больше она думала про все, что происходило в деревне, тем больше убеждалась, что без чародейства тут не обошлось. Но, пожалуй, не стоит делиться этой догадкой с Дакшой или с кем-то еще из деревенских. Потому что подозрение сразу может пасть на нее. Ведь она здесь чужая, пришлая, и как раз примерно с того момента, когда она появилась в деревне, странности и начались. Кого обвинят в колдунстве? То-то и оно. Нужно сначала разобраться во всем. И желательно, побыстрее. Пока кому-нибудь не пришла в голову та же догадка, что и ей. Не хотелось бы снова попасть на костер. Нужно рассказать обо всем Ведагору! Он старше, мудрее, да и опыта у него побольше. Уж он-то придумает, как быть.

Удерживая охапку сухих веток, Найдана в задумчивости присела на поваленный толстый еловый ствол. От старости с него уже облезла почти вся кора, открывая миру серую сухую древесину. Найдана коснулась ладонью гладкой, отполированной дождями и ветром древесины, и вдруг кое о чем призадумалась, поднялась и внимательно осмотрела дерево. Видать, оно давно уже тут лежит, вон как выюны оплели ствол. Но муравьи еще не успели истряхивать середину. Да, вот бы перетащить к избе это бревно, надолго бы дров хватило. Небось, в тех избах, где есть мужики, такими бревнами и запасаются. А где уж ей-то? Не потащит же она его волоком – не под силу. Да и какой-нибудь захудалой лошаденки у нее нет, а другой кто вряд ли свою даст. Вот и приходится складывать веточку к веточке.

Впрочем, почему это ей не под силу? Найдана торопливо скинула хворост в кучу, а сама снова подошла к бревну и коснулась его рукой. Она уже так делала. Помнится, полнехонькие ведра тогда стали легкими, как пушинки. Найдана сделала усилие, словно пытаясь поднять руку, не отрывая ее от дерева. Да, это не ведро... К тому же земля за те годы, что на ней лежал упавший ствол, приняла его в свои владения, намереваясь сделать своей частью. Это с виду побеги выюна тонкие и слабые, на самом деле они цепко оплели дерево, которое когда-то свысока смотрело на них, а теперь оказалось в полной их власти. Однолетний выюн возомнил себя победителем на безжизненном теле столетнего гиганта. Найдана чуть приподняла руку, не отрывая пальцев от серой древесины. Мертвое дерево охнуло, крикнуло и медленно потянулось за ее ладонью. Крепко вцепившись корнями в землю, побеги выюна натянулись, все еще пытаясь удержать ствол, но дерево медленно и неумолимо тянулось следом за рукой Най-

даны. Земля под ним чвакнула, отпуская из своих объятий, но оставив себе на память остатки выложенной колыбелью коры. Вьюн, не желая сдаваться и расставаться со своим пленником и званием победителя, дернулся за ним, обрывая стебли и корни. Огромный ствол завис в воздухе, подчиняясь воле Найданы. Тут же разлился прелый запах потревоженной земли, сырости, грибов. Тонкие белые нити грибницы свисали снизу ствола реденькой седой бородкой.

– Ну и куда я с ним? – спросила сама себя Найдана. – Дотащить-то дотащу, а в деревне как объясню? Может, конечно, никому и дела не будет, но лучше не нарываться. Тем более сейчас.

Найдана со вздохом опустила руку, и толстый ствол, ухнув, тяжело упал в колыбель из собственной коры. Стараясь не смотреть в сторону поваленного дерева, Найдана сильнее затянула веревки на вязанке хвороста и, крикнув, взвалила ее на спину. Подняла еще пару толстых сухих веток, за которые зацепился взгляд, – уж никак не могла она их оставить, ведь зимой каждая щепочка на счету. Все, хоть глаза закрывай, а то вон там и вон там, в траве, валяются еще ветки, и тоже неплохие. А вон там, под рябинкой, вызывающе торчит небольшой крепкий обабок. Этак и не уйти будет! А вязанка уже полнехонька, назад тянет так, что приходится ссутуливаться и вперед наклоняться. Часто так бывает: ходишь, ходишь целый день по лесу, ищешь грибы ли, ягоды, да хоть тот же хворост, а их нет. Пока корзинку наберешь, все ноги стопчешь! А стоит только домой собраться, как грибы тут как тут, будто специально ждали этого момента: из травы выглядывают, шляпками своими дразнят да заманивают. Думаешь, ну вот этот возьму и все. А за ним другой гриб виднеется, и его тоже жалко оставить.

– Ну уж нет, хватит. Гриб, пожалуй, возьму, а за этими ветками позже приду, еще долго до снега, – решила Найдана. Очень уж навязчивыми были мысли про неведомого колдуна, который напустил морок на деревню. Что скажет об этом Ведагор?

Согнувшись и с трудом удерживая равновесие, Найдане кое-как удалось сделать несколько заветных движений руками и прошептать слова заклинания. Она и глазом не успела моргнуть, как оказалась возле землянки Ведагора. Найдана тут же сбросила тяжелую ношу и осмотрелась. Старца поблизости не было, лишь курица деловито рылась в мелкой траве на тропинке, разрывая когтистыми лапами землю, разглядывая что-то там, склонив голову набок и поквохтывая. Но костер еще не потух, а от варева в котелке шел ароматный пар – значит, Ведагор где-то рядом.

– Ведагор! – громко позвала Найдана и притихла, прислушиваясь к эху, шорохам, шуму ветра, теребящего листву.

– Оу! – отозвался из чащи старик.

Ну вот, теперь он знает, что Найдана здесь, и, значит, скоро выйдет из леса. Найдана подошла к котелку, шевельнула в нем деревянной ложкой, и ароматный дух с новой силой пыхнул из варева. Она повела носом и зажмурилась от удовольствия. Уж в чем-чем, а в похлебках Ведагор знает толк.

– Случилось что? – спросил старец, выходя из леса за спиной Найданы.

Она быстро обернулась, не успев опустить ложку обратно в котел. В руках Ведагора была охапка разных трав, а на сгибе локтя висела полнехонькая корзина грибов. Ведагор никогда не возвращался из леса с пустыми руками, было у него что-то вроде чутья на грибные и ягодные места. Или он из-за долгого проживания в лесу настолько с ним сроднился, что лесные духи, принимая его за своего, и не думали прятать от него секреты.

– Даже не знаю... – с сомнением начала Найдана.

– А чего тогда кричишь, будто заблудилась? Все зверье распугала, – ворчал старик.

Он вывалил крепкие, вызревшие за лето стебли прямо на землю возле костра, здесь же поставил корзину, и тут Найдана заметила еще и мешок у него за спиной. Правду говорят: летний день зиму кормит. Особенно когда знаешь удачные места.

– Ого! Сколько ты набрал! – не удержалась от восхищения Найдана.

– Да я смотрю, и ты не с пустыми руками, – Ведагор кивнул на кучу хвороста и раздутую котомку возле нее. – Неужто пришла припасами похвалиться?

– Мне кажется, на деревню напустили морок, – высказала Найдана свое предположение и внимательно посмотрела на старца.

– Что, опять?! Что ж за напасть-то такая! – Ведагор хлопнул себя ладонями по коленям. – А не померещилось тебе? Видела ты ту ведьму или колдуна, который морок-то напустил?

– Не видела.

– Почувствовала?

– Нет.

– Так с чего же ты это взяла?

– Не знаю... Подумалось.

– Хе! Подумалось ей! – усмехнулся Ведагор. – Знаешь что? Стар я уже за выдумками гоняться! Если бы какая ведьма в деревне появилась, ты бы сразу это поняла.

– Но все так странно... Люди вдруг изменились, совсем как тогда. Все злятся друг на друга, никто не улыбнется. Даже детишки малые и те не шумят, как обычно.

– Ну и что, что не шумят? В поле дети или в лесу. Сейчас пора-то какая – все при деле. А тебе повсюду морок мерещится. Справились мы со злом, теперь тебе отдохнуть нужно. Если бы было там что колдовское, уж мы-то с тобой сразу это почувствовали бы, – сказал Ведагор между делом, раскладывая каждую травинку в свою кучку, тщательно рассматривая, обрывая сильно подпорченные сыростью и гусеницами листочки.

– Да, наверное, так и есть... – согласилась Найдана. Какие-то сомнения еще мучили ее, но объяснить их она не могла, поэтому не стала спорить с Ведагором. В одном он был прав: ведуны и чародеи чувствуют присутствие таких же, как они. Стало быть, нет в той ситуации ничего колдовского.

Найдана присела рядом со старцем и тоже принялась перебирать стебли. Вот уже образовались кучка зверобоя, пучок веток можжевельника, ягоды с которого обобрали в отдельный туесок. Рядом легли пышные розовые гроздья цветка-пожарника, чуток змеиной травки и бессмертника. Все эти травы Найдана знала, Ведагор много рассказывал ей про них.

– Как ты распознаешь, какой травой можно исцелять? – спросила она.

– Я столько зим живу на свете, что знаю, наверное, все травы. У какой корешок нужно взять, у какой листок, а у какой цветок либо семечко. Ведь бывает так, что у цветка листья целебные, хворого вмиг на ноги ставят, а в корне – сильный яд, каплей которого табун лошадей можно уложить.

– Неужто все запомнил? – удивилась Найдана. – А если какая новая трава попадется, как узнаешь?

– Ну как... Трудно объяснить... По виду, по запаху.

– Хм... – Найдана призадумалась. Как это можно по запаху узнать, лист или корешок нужно брать? И как узнать, какую хворь потом этим листком лечить?

– А ты понюхай, – он протянул длинный, с неровными краями лист. – Чуешь?

Найдана взяла его в руку, покрутила, пытаясь что-то о нем понять, понюхала и честно призналась:

– Нет.

– Это не сразу приходит, – усмехнулся старец. – Потом ты тоже так сможешь.

– Ой, смогу ли? – засомневалась Найдана, чем еще больше развеселила Ведагора.

– Зато в тебе есть сила, неведомая мне.

– Ты про черную магию? Сколько можно вспоминать? Я же тебе обещала, что больше не буду ею пользоваться.

– И это тоже. Всю себя ты можешь превратить в магию. Ты уже знаешь, на что способна твоя кровь. А еще это могут быть волосы. Да, есть заклинания, в которых нужен волос ведьмы. Да даже просто дыхание.

Про волшебную силу волос Найдана уже знала. Да что там, это любой бабе было известно, ведь недаром все замужние женщины прятали косы от посторонних глаз, оберегая покой семьи. Правда, сейчас ее стриженные волосы вряд ли обладали каким-то могуществом. Но как можно дыхание превратить в магию?

– Дыхание? – насторожилась Найдана, чувствуя, что может узнать что-то новое. – Как это?

– Мне это неведомо. Дед мой рассказывал, что однажды видел, как ведьма сделала из своего дыхания огненный шар и растопила им снег на вершине горы. Тогда потопом целые деревни смыло. Дед еще мальчонкой был, чудом уцелел. Это тоже черная магия, думаю, у тебя тоже должно получиться.

– Но я не хочу затоплять деревни! Мне это не нужно. Какое-то бесполезное умение! Даже попробовать не собираюсь, – Найдана надула губы, обидевшись, что Ведагор мог такое про нее подумать.

– Ладно, не сердчай на старика, – Ведагор отложил можжевелевую ветку и приобнял Найдану за плечи.

– А зачем ты так говоришь? Ты думаешь, я такая плохая и способна на подобные вещи? – глаза Найданы невольно наполнились слезами от обиды, и она быстро-быстро заморгала, чтоб не разреветься.

– Просто ты должна знать свою силу. Пока ты была неразумным дитем, я старался оградить тебя от этих знаний, но сейчас считаю, что тебе нужно знать. Ты уже взрослая, и сама сможешь сделать правильный выбор.

– Я уже сделала! Я же обещала тебе, что больше никогда не коснусь черной магии. И никогда не смогу причинить кому-то вред.

– Вот и ладно... – сказал Ведагор, и Найдане показалось, что он добавил потише: «Лишь бы не пришлось...»

Она внимательно вгляделась в лицо старика, но тот снова занялся травами, сосредоточенно перебирая поврежденные листочки, приговаривая:

– Скоро придет пора заготавливать корни. Ты придеешь? Покажу тебе места, где растут редкие да диковинные.

– Да, конечно, – кивнула Найдана, решив, что ей и впрямь показалось.

Когда все травы были перебраны, связаны в пучки и подвешены под крышей землянки, а грибы нанизаны на тонкие ветки и разложены вокруг костра на просушку, Найдана вдруг вспомнила про волшебное зеркало, которое все так же стояло в ее избе и привлекало к себе внимание, словно бельмо на глазу.

– Ведагор, ты не придумал, куда можно спрятать зеркало? – спросила она.

– Есть одна задумка... – Ведагор погладил бороду. – Вещица и впрямь большая, такую в укладку не впишешь. Но скрыть от чужих глаз можно. Мы с тобой его в стену замуруем!

– В стену? – Найдана захлопала глазами.

– Слышал, что прашуры, те, что посильнее, чтоб скрыть от чужих глаз чародейские предметы, делали в скале или даже в дереве такие потаенные места. Доступ в них был очень трудный, а для простых людей так и вовсе невозможный. Мне на такое силы не хватает, а у тебя должно получиться. А вот прямо сейчас и попробуем, – Ведагор посмотрел на небо, туда, где солнце уже скрылось за деревьями, но еще тоненько просачивалось сквозь переплетенные ветви. – Темнеет уже. Поспешить бы, не то скоро ворота запрут.

– Так что нам ворота? – ухмыльнулась Найдана. – Коли мы на версты можем вмиг переходить, неужто ворота не одолеем?

– А коли увидит кто? Нет, нельзя, чтоб люди прознали про твои способности. Храни их в тайне, сколько сможешь. Даже если к стенке припрут и спрашивать будут – отрицай. Не ведаешь, мол. Иной раз похвалиться хочется своими умениями, но ты все равно молчи, иначе беду накличешь. Если положено люду мирскому ходить через ворота мимо чуров, вот и ходи. Чем меньше к тебе вопросов, тем тебе же будет спокойнее.

Найдана молча согласилась. Ведь именно по этой же причине она только что отказалась от хорошего бревна, которым могла бы отапливать свою избушку не одну седмицу. Она подошла к своей вязанке и со вздохом взвалила ее на спину. Как все же жаль, что нельзя просто воспользоваться магией.

До лесочка возле деревни они с Ведагором легко переместились с помощью заклинания, а дальше пошли пешком. Ведагор нес котомку Найданы, но она наотрез отказалась отдать ему хворост: старый уже совсем. Хоть он и бодрится, но по лесу передвигается уже медленнее, и все чаще стал останавливаться на передышку. Если не было возможности присесть на кочку, пенек или поваленное дерево, а то и просто на землю, то стоял, опираясь на свой посох и, прищурившись, подолгу глядел в заросли деревьев, на журчащий ручей или на медленно плывущие облака. Со стороны можно было подумать, что старик просто залюбовался, но Найдана-то понимала, что он устал. Она тоже останавливалась рядом с ним и тихонько ждала, когда они пойдут дальше. А когда-то он мог без усталости целый день бродить по лесу в поисках целебных трав и корешков – Найдана застала те времена, и никакие ее жалобы тогда не убеждали его. «Как устала? – удивлялся Ведагор. – Ведь уже то, что ты касаешься ступнями земли, должно давать тебе силы! Ты дышишь этим воздухом, а ведь он целебный – ты знала? Не может человек уставать в лесу!» И вот, поди ж ты, теперь он сам уставал.

Они спокойно зашли в деревню, едва успев до того, как ворота закрыли.

– Осторожно! – чуть опоздала с предупреждением Найдана и воскликнула как раз в тот момент, когда пес, брызгая слюной и клацая зубами, бросился на них. Его клыки белели даже в полумраке, а глаза сверкали особенно свирепо.

Ведагор резво, насколько мог, отскочил в сторону и замахнулся на собаку посохом. А Найдана от неожиданности не смогла удержать веревки, которыми был обвязан хворост, и вся вязанка рухнула на землю, развалившись неопрятной кучей.

– Вот ведь брехун! – воскликнула она. – И чего ж ты злой-то такой?

На пороге избы показался хозяин пса. Возможно, он и раньше там стоял, притаившись, потому что Найдана не заметила, чтобы дверь открывалась. Жировит с ухмылкой поглядывал на них, даже не пытаясь удержать пса.

– Ты собаку-то утихомирь, – возмутился Ведагор. – Чего она на людей зря бросается?

– А нечего здесь шлаться, – усмехнулся Жировит, явно довольный происходящим.

– Да где же это видано, вот так собаку на людей натравливать? – ругался Ведагор, но Жировита его слова только забавляли.

– Кто сильнее, тот и прав, – засмеялся он, но лай заглушил его смех.

– Пойдем, – тихо пробормотала Найдана и тронула Ведагора за рукав.

Она могла бы показать этому наглому Жировиту и его свирепому псу, на чьей стороне сила, а стало быть, и правда, по мнению злобного соседа. Могла бы показать, но Ведагор просил ее не выдавать без нужды свои умения.

Наспех собрав в кучу рассыпавшийся хворост, пока Ведагор ругался с Жировитом, Найдана ухватила старца за рукав и почти силой увлекла за собой, а тот, даже зайдя в избу, продолжал возмущаться:

– Что же это делается-то, а? Что это он надумал? Пса цепного зачем-то завел. Как людям-то теперь мимо ходить? А детишки как? Не углядят боги – случится несчастье.

– Вот об этом я тебе и говорила, – ответила Найдана. – Что-то странное творится в деревне. Того и гляди, брат на брата пойдет. Сначала Жировит пса завел, потом еще кто-нибудь

такую же зверюгу заведет, этак и вовсе из избы не выйти будет. Не иначе кто морок на всех напустил.

– Но нет колдовства в деревне! Сама-то не чувствуешь? Только от тебя силой веет.

Найдана вздохнула. Она и сама понимала: если бы появился в деревне колдун, то она тут же это поняла бы.

– Давай сейчас лучше делом займемся, – сказал старец, осматривая убранство избы. – Вот здесь, возле лавки, думаю, будет самое лучшее место.

Найдана кивнула, хотя пока не очень представляла, о чем ей пытается рассказать Ведагор и что получится в итоге.

– Дай-ка мне плоску, – старец сосредоточенно перебирал мешочки, привязанные к его поясу. Выбрав один, он высыпал часть содержимого на ладонь и понюхал.

Найдана шустро принесла чистую глиняную плоску и приготовилась наблюдать за действиями ведуна. Ведагор осторожно высыпал темно-коричневый порошок в посудину, стараясь, чтоб ни одна пылинка не пропала даром.

– Что это? – спросила Найдана.

– Вода с гнилого болота, – ответил старец.

Найдана удивленно вскинула бровь: вода? Вот уж не думала, что воду можно высушить до порошка. Что ж, умно придумал Ведагор: вместо того чтоб таскать с собой ведро воды, он носит всего лишь маленький мешочек усохшей коричневой пыли, и в нужное время спокойно может разбавить ее обычной водой и сделать «воду с гнилых болот».

– У тебя есть цветы ели? И немного черной собачьей шерсти.

Сушеные цветы ели – душистые, фиолетовые, собранные до того, как они стали бы шишками, – у Найданы нашлись, а вот насчет собачьей шерсти... Найдана задумчиво надула щеки и медленно, с шумом выдохнула: пфф... Единственным псом, который сейчас приходил на ум, был пес Жировита, которого Найдана уже прозвала про себя Брехуном. В деревне были и другие собаки. Вон, у Дакши была старая беззубая шавка. Найдана ни разу не слышала, чтоб та лаяла. Говорят, раньше собака повсюду ходила за Дакшей, а последние пару лет даже на это у нее сил не стало, она все лежала возле избы, изредка поднимая голову и вяло постукивая хвостом об землю, когда кто-то подходил. А то и головы не подымала, просто глазом поведет, хвостом два раза стукнет, дескать, увидела я тебя, узнала, проходи. Но его собака была белой... Было еще несколько собак, мирных настолько, что позволяли ребятишкам кататься на себе. У тех были рыжие и черные пятна, из черного пятна можно было раздобыть черной шерсти. Но по темноте и самих собак-то не сыщешь, где уж искать на них какие-то пятна.

– Раздобуду! – кивнула Найдана и выскочила из избы.

Едва она показалась в проходе, как из темноты на нее тут же рванул соседский пес и принялся лаять, хрипя и захлебываясь своей злобой.

– Тьфу на тебя! – спокойно сказала Найдана, зная, что веревка его остановит. Но что же делать? Нужно было как-то раздобыть шерсти с этой псины. Хорошо все-таки, что уже стемнело и на улице никого.

Найдана сделала осторожный шаг в сторону пса. Тот совсем расшвирился от такой наглости и с новой силой бросился на нее, давясь на врезавшейся в шею веревке. Шаг, еще шаг.

– Не ругайся ты так, я же не сделаю тебе ничего плохого, – уговаривала пса Найдана, подходя все ближе. – И чего ты такой злой-то? Будто людей никогда прежде не видел...

Как же взять его шерсть? Голой рукой? Так стоит только протянуть, как он тут же оттяпает ее по самый локоть. А то и по плечо – такими-то зубищами. Не сводя взгляда с желтых светящихся глаз пса, Найдана осторожно подняла руку с раскрытой ладонью, чтоб показать, что у нее нет палки, что она не хочет его бить, что она пришла с миром. Пес злобно скалился и угрожающе рычал, несколько обескураженный тем, что жертва сама идет ему в пасть. Еще

шаг. Пес отступил и замер в замешательстве. Что задумала эта девчонка? Разве не должна она бежать без оглядки, едва завидев его? Или, может, это ему стоит ее опасаться?

– Вот и ладно... – прошептала Найдана, стараясь сообразить, как бы раздобыть шерсть. Неужели ей придется прикоснуться к псу? Что же она не подумала об этом сразу и не захватила чесало? Ведь даже со смирной собаки чесалом шерсть взять гораздо удобнее. Но теперь сожалеть уже поздно. Да и вряд ли пес позволил бы ей подойти близко с такой штуковиной. Вон, он, кажись, успокоился. Может, дастся в руки...

Стоило только Найдане об этом подумать, как пес тут же бросился на нее. Те несколько шагов, на которые он отступил прежде, теперь дали ему свободу для прыжка. Вмиг он сбил с ног Найдану, оказавшуюся на его территории. Она в ужасе закрылась от него руками, а пес, рыча и припадая на передние лапы, стоял над ней, готовый в любое мгновение вцепиться в шею. Но он медлил. Вдруг Найдана почувствовала, как что-то мокрое и холодное ткнулось в ее раскрытую ладонь. Она чуть отвела руку от лица и судорожно сглотнула, хотя в горле мгновенно пересохло: прямо перед ее глазами нависала зубастая морда пса. Он с сердитым рыком обнюхивал лицо и руки Найданы. «Конец», – пронеслось у нее в голове. Пес был так близко, что девушка чувствовала его дыхание. Но он почему-то не пытался укусить, лишь продолжал обнюхивать ее, пофыркивая от незнакомых запахов. Осмелев, Найдана робко коснулась пальцами его лба и тут же отдернула руку. Пес нервно дернул верхней губой, обнажая острые клыки, но не зарычал, предупреждая о своем недовольстве, и Найдана, помедлив, уже увереннее протянула руку. Глядя прямо в желтые собачьи глаза, она осторожно прикоснулась ко лбу пса, легонько провела ладонью между ушей, еще и еще. Рукав рубахи задрался, и тонкое запястье, где билась голубая жилка, было так близко к зубастой пасти! Примерещитесь псу что-нибудь, окажется что-то не по нраву, и он в мгновение ока перекусит девичью руку. Но пес стоял, как зачарованный, послушно опустив голову. Не понимая, что с ним, но боясь упустить момент, Найдана не спеша привстала и провела рукой по холке зверя, зарываясь в густую шерсть пальцами, как гребнем.

– Вот и ладно... Не сердчай, Брехун, я тут кое-что у тебя возьму, – прошептала она и быстро отскочила в сторону, не дожидаясь, когда он придет в себя и снова набросится на нее.

Пес не кинулся. Он остался стоять на месте, и теперь, отойдя на несколько шагов, Найдана уже не различала его во тьме.

– Принесла? – спросил Ведагор, оглянувшись на скрип двери.

Он что-то тщательно растирал круглым гладким камешком в плошке. Должно быть, средство было уже почти готово, не хватало лишь последней составляющей.

– Да, – Найдана собрала с ладони шерсть, скатав ее в комок, и положила на стол возле старца, – хватит столько?

Ведагор кивнул, взял пучок шерсти, мельком взглянул на него и уже хотел положить его обратно, но вдруг остановился. Задумчиво перебирая пальцами шерстинки, Ведагор, нахмурившись, смотрел куда-то мимо и будто прислушивался.

– Что? Не подходит? – расстроилась Найдана.

– Нет-нет, то, что надо, – Ведагор переминал пальцами шерсть, словно прощупывая каждую пушинку. – Где ты это взяла?

– С соседского пса, – Найдана кивнула в ту сторону, где стояла изба Беяны.

Ведагор недоверчиво взглянул на нее, но Найдана пожала плечами. Скажи ей кто еще давеча, что она подойдет к этому псу и дотронется до него – сама не поверила бы.

Старец положил шерсть в чашу, быстро подсыпал туда несколько небольших мутно-белых кусочков какого-то вещества из своих припасов и тут же накрыл чашу ладонью. Найдана едва успела уследить за его жестами.

– Что это ты добавил? – с интересом спросила она. Очень уж эти неровные камешки были похожи на жир. Но вряд ли Ведагор вот так запросто носил бы жир в холстяных мешочках, а не в горшке. Да и руки у него не запачкались.

– Тссс! – шикнул на нее Ведагор. Он долго сидел, не шевелясь, держа чашу в одной руке и накрыв сверху другой. Ведагор даже закрыл глаза, и Найдана подумала, а не уснул ли он? А что, со старыми людьми такое случается. Найдана долго терпела, не решаясь позвать его – вдруг у мудрого старца все так и было задумано, а она все только испортит. Но все же, если он заснул, то его нужно разбудить. Или уложить поудобнее. Этак же можно свалиться и расшибиться.

– Ведагор... – шепотом позвала Найдана.

– Тсс!.. – коротко цыцкнул старик, даже не шевельнувшись.

Не спит – и то хорошо. Найдана вздохнула, подперла щеку рукой и приготовилась терпеливо ждать. Значит, все идет по плану.

Ведагор вдруг быстро отдернул руку от чаши. Так неожиданно и резко, что Найдана даже вздрогнула.

– Это воск. Обычный пчелиный воск, – как ни в чем не бывало ответил Ведагор на ее вопрос, о котором Найдана уже забыла. – Это с виду он простой, но в нем таится великая чародейская сила.

Он осторожно поставил на стол чашу, в которой теперь полыхал огонь. Черная шерсть шипела и кукожилась в зеленовато-желтом пламени, превращаясь в маленький темный, пористый шарик. Воск плавился, прозрачными слезами скатывался по стенкам чаши, просачивался сквозь измельченные, растертые в порошок вещества, вязко обволакивал сожженный волос. Ведагор взял лучину и осторожно обмакнул ее в растопленный воск, еще больше притопляя в него сожженную шерсть.

– Загорится же! Сухая совсем лучина-то! – испугалась Найдана.

– Не загорится, – спокойно ответил Ведагор, помешивая снадобье.

Вот воск принял в себя и золу, и измельченные цветы ели, и иссушенную воду с гнилых болот. Теперь он уже не был похож на слезу. Он впитал в себя цвета всех составляющих. А те, в свою очередь, соприкоснувшись с горячим воском, начали источать ароматы – такие разные, но смешивающиеся в один.

Пламя погасло, а Ведагор все помешивал загустевшую темную массу. Найдана невольно поморщилась, когда старик вывалил горячую смесь себе на ладонь и тут же принялся мять, придавая ей форму.

– Ну вот и готово, – наконец сказал он и протянул Найдане получившуюся небольшую коричневую палочку.

– И что теперь с этим делать? – Найдана взяла в руки еще теплую штукуну, покрутила ее, рассматривая. Брало сомнение, что с помощью этой палочки можно как-то спрятать зеркало.

– Теперь начерти этим вот здесь, в стене, проход. Ты должна сделать это своей рукой. Я знаю, как сотворить колдунство, но оно само мне не подвластно.

Найдана внимательно посмотрела на старца: «начерти проход»? Как можно начертить проход? Его можно вырубить топором, а не какой-то нелепой палочкой, которая даже от тепла руки размягчается.

– Хм... начерти проход... – прошептала Найдана, подойдя к стене. Она потрогала бревна, постучала по ним кулаком, прислушиваясь, будто раздавшийся звук мог ей о чем-то сказать. Потом взяла и просто нарисовала на стене прямоугольник размером чуть больше, чем зеркало. Возможно, это и имел в виду Ведагор. Найдана повернулась к старцу и спросила: – Так?

– Да, думаю, так будет хорошо, – ответил Ведагор, критично осматривая то, что нарисовала Найдана. – А теперь нужно создать там потаенное пространство, о котором никто не сможет узнать. Приложи руки и дави. Но дави не силой рук, а силой мысли. Почувствуй, как это.

Найдана прикоснулась обеими ладонями к стене внутри нарисованного прямоугольника и нажала.

– Нет, не так, – сказал Ведагор, – ты давишь руками, погляди, как они у тебя напряглись. А ты расслабься и почувствуй, как из твоих ладоней, из самого центра идет сила. Она действует на любую преграду, выдавливает твердь, оставляя пустое пространство.

– Но со стеной ничего не происходит, – возразила Найдана. – Наверное, я что-то не так делаю.

– А ты не смотри на стену. Закрой глаза, – Ведагор встал рядом с ней, приложил обе руки к стене и закрыл глаза, показывая, как нужно сделать. – Чувствуешь теперь, как под твоими пальцами образовывается пустота? Она проваливается вглубь, словно тает. Будто это и не дерево вовсе, а снег, и он продавливается от тепла твоих рук. Здесь, под твоими ладонями, место уже теплое, переставь руки рядышком, на холодное.

Найдана с закрытыми глазами перемещала ладони с места на место, на ощупь выискивая прохладные участки. Ей казалось, что там, за какой-то тонкой, словно полотно, перегородкой она своими руками уже выдавила целую потаенную избу. Потом она открыла глаза и растерянно повернулась к Ведагору – ведь стена продолжала стоять так же, как стояла до всех этих ухищрений. И нарисованный прямоугольник был на прежнем месте. Уж не насмехается ли над ней Ведагор? Она тут старалась, давила стену, а он небось хихикал у нее за спиной. Но Ведагор не усмехался, он был очень сосредоточен.

– А теперь открой дверь, – сказал он.

– Какую дверь? – растерялась Найдана.

Ведагор кивнул на стену, над которой она только что колдовала. Та линия, которую Найдана недавно начертила, сияла необыкновенным голубоватым светом. Он словно лился откуда-то изнутри, словно там и правда появилось пространство, заполненное этим необычным светом. Неужели это и есть дверь?

– Только не прикасайся! Силой ты ее не откроешь, – предупредил Ведагор, едва Найдана потянулась к стене.

– А как же? – удивилась девушка.

– Силой, которая не в теле, а в мыслях.

Немного поразмыслив, Найдана выставила перед собой руки, не прикасаясь к стене. Растерянно пожала плечами, не зная, что ей делать. Открыть дверь силой, которая не в теле, а в мыслях... Легко сказать. Впрочем, она ведь часто так поступала – совершала что-то только лишь при помощи силы мысли. Когда заставляла осыпаться сажу с потолка, или когда смотрела сквозь стену. Не разбирала же она ту стену, но как-то ей удалось заглянуть сквозь нее. Стало быть, не так-то это и трудно – открыть дверь, не прикасаясь к ней. Нужно только немного поднапрячься.

От старания у Найданы на лбу даже выступила испарина. И вдруг нарисованный на стене прямоугольник дрогнул и начал медленно выступать вперед. Он был словно вырезан в стене и теперь сдвигался. Все это было так удивительно! Но что там за ним? Как Найдана теперь будет жить в избе с такой дырой в стене? Скоро ведь зима. Не зря ли она вообще согласилась на всю эту затею? Но все же она не опускала рук. Найдане хотелось узнать, чем все это закончится.

Кусок стены выдвинулся вперед настолько, что теперь уже можно было увидеть, что за ним. Найдана заглянула туда, Ведагор тоже подошел ближе.

– Я думала, там получилась целая изба. Или изба, или уж сквозная дыра, – несколько разочарованно произнесла Найдана, осматривая небольшое пространство глубиной в одну пядь.

Ведагор же, напротив, с восторгом разглядывал получившуюся нишу и даже, протянув руку, потрогал ее стены. Они были самые что ни есть настоящие!

– Получилось! – воскликнул он. – Я давно слышал, что такое возможно, но вижу впервые. Здесь хватит места, чтоб спрятать зеркало!

– Что-то подобное было в избе у Сон-травы, – сказала Найдана, припоминая свое путешествие в мир потомков. – Но там был целый зал! Огромный! Намного больше, чем моя изба. И там тоже стояло зеркало.

– Должно быть, тот зал делался годами, – предположил Ведагор. – Да и потрудились над ним не одна ведьма. Сама видишь, сколько сил на это уходит. Со временем ты сможешь увеличить потаенную комнату и спрятать в ней еще что-нибудь. Нужно только приложить руки и выдавливать твердь, как ты это делала только что.

Они задвинули зеркало в нишу, кусок стены тут же встал на место и врос в основную бревенчатую стену. Найдана провела по ней рукой и не обнаружила ни единой щербинки, скола, ни единого изъяна. Теперь было не различить, в каком месте скрывается проход в потаенную нишу. Даже царапин не осталось, не то что стыков. Да, тайник для важных вещей получился просто замечательный.

– Ладно, мне пора. День был слишком долгий, – Ведагор потянулся, расправляя плечи, и его старые суставы захрустели.

– Скоро уже первые петухи пропоют, – согласилась Найдана. Она и сама чувствовала, что день со всеми его происшествиями оказался нескончаемым. Найдана вымоталась так, что, казалось, могла бы уснуть даже стоя.

– Мы с тобой хорошо поработали, большое дело сделали, – старик довольно жмурился, – а теперь и отдохнуть не мешало бы.

– Может, останешься? Я тебе на лавке постелю, – предложила Найдана.

– Нет, пойду я. Все спят уже давно, никто и не задумается, когда я из деревни ушел. А если спросит кто, то так и скажи, мол, сама мне ворота открыла, а потом и заперла их.

– Думаешь, никто не удивится, что я родича вот так просто в ночи выпроводила?

– Придумаешь что-нибудь, – ответил Ведагор, сделал несколько магических жестов, прошептал заклинание и тут же исчез.

– Прекрасно! «Придумаешь что-нибудь», – передразнила старика Найдана.

Она снова подошла к стене, за которой теперь было спрятано волшебное зеркало, пристально посмотрела на нее, потом склонила голову и посмотрела под углом, чуть присела, провела по бревнам рукой.

– Надо же! Как дивно вышло! – удивленно воскликнула она. – Теперь-то уж точно его никто не найдет.

Найдана расправила постель, устало стянула платок с головы. Вместе с платком на одеяло упал гребень. Найдана взяла его в руки и, даже не задумываясь над своими действиями, принялась медленно расчесывать волосы.

Глава 2. Заколдованная деревня

Как хорошо, что никто не требует вставать утром с петухами! Хозяйки-то уже давно делами заняты, животину обиходили, каши наварили, белья настирали, а Найдана, припозднившись с вечера, все спала. Ну и что с того? Все равно ее работу за нее никто не выполнит. Она сладко потянулась и открыла глаза. С улицы доносились голоса людей, лай собак – жизнь шла полным ходом. И никому не было дела до того, что Найдану с утра никто не видел. Раньше бы Беляна непременно забежала, поинтересовалась, не приболела ли подруга, а теперь... Ну и ладно! Найдана рывком откинула одеяло, села на постели и первым делом, даже не задумываясь, снова взяла в руки гребень.

– Он будто имеет надо мной какую-то власть, – пробормотала она, вдруг осознав свои действия. И тут же с усмешкой отмахнулась от странной мысли: – Глупости! Надо же, что в голову придет! Гребень и гребень – чего в нем странного? Тоскую просто по своей косе.

И она принялась расчесываться. Но чем больше Найдана проводила гребнем по волосам, тем более плавными становились ее движения, дыхание выравнивалось, и на душе становилось спокойно. Вот она уже закрыла глаза и медленно вела гребнем по волосам, длинным, ниже пояса, а на ее губах заиграла улыбка. Найдана никак не могла понять, что дает ей это действие – силы или, наоборот, спокойствие. Но ей безумно нравилось водить гребнем, вот бы так целый день!.. Жаль, она не может позволить себе такую роскошь. Найдана нехотя отложила гребень и открыла глаза. Нужно еще хворост разобрать, он ведь так и остался с вечера сваленный в кучу во дворе. Найдана наспех оделась, вышла и тут же в растерянности остановилась: куча хвороста была на месте, вот только стала намного меньше.

– Ну как так можно! – не сдержала отчаянный взлас Найдана. Она полдня прибирала ветку к ветке, тащила на себе огромную вязанку, а кто-то позарился на ее труды! Конечно, куда проще взять готовое, чем самому ноги по лесу топтать. И ведь взял же кто-то свой! Чужаки в деревню не вхожи. Никогда прежде такого не бывало. Ладно, делиться друг с другом перестали, так теперь еще и воровать у соседей начали! Что же дальше-то будет? Ну как же Ведагор говорит, что нет здесь колдовства, когда оно так явно чувствуется! Не могли люди просто так взять и измениться – Найдана все больше убеждалась в этом.

Она со вздохом окинула взглядом ближайšie избы. На кого думать? Кто оказался способен на кражу? Теперь уж и не признается никто. Не идти же по избам в поиске своего хвороста! Да и как она его опознает? Ветки – они ветки и есть. У самой ближней избы на завалинке сидел Жировит и, шурясь, поглядывал в ее сторону. Вот он запросто мог украсть. Найдане не хотелось плохо думать о людях, но в этом мужике было что-то такое... Не объяснить. Это он сделал Беляну такой жадной и злой. Еще эти его светлые, почти желтые глаза... Как у хищника. Как у его пса! Кстати, пса не видать. Куда он его задевал? Впрочем, какая разница, какого цвета у человека глаза? Да хоть какого, это все равно не дает право называть его вором! Вон, вокруг дети бегают, они тоже могли хворост стащить. Взяли поиграть, да и заиграли-забыли. Может, валяется этот хворост где-нибудь. Может, его и не со зла взяли, а она уже надумала тут всякой напраслины. А может и нет. Теперь нужно хотя бы прибрать то, что осталось. Да, помнится, отец раньше дрова на улице возле избы складывал, и ничего не пропадало. А тут как без присмотра что-то оставишь? Придется все в избу тащить.

Найдана не стала разбираться, кто взял ее хворост – бесполезно. В следующий раз нечего спать до полудня. Она набрала полную охапку веток и уже направилась к избе, как вдруг почувствовала взгляд – колкий и холодный, словно ей за рубаху закинули ледышку, и та жжет ледяным огнем между лопаток. Это был не простой взгляд обычного человека. Человек, не владеющий магией, не может делать свой взгляд ощутимым. Невольно поведя плечами, Найдана оглянулась. Дед Дакша о чем-то спорил со своим старшим сыном Асилой, а тот, вопреки дав-

ним законам, дерзко отвечал ему, даром что сам уже был дедом. Две неразлучные подружки, имен которых Найдана не знала, чуть помладше ее самой, возились с малышкой: их явно оставили присматривать за младшими братьями и сестрами, но девчонки еще и сами были не прочь поиграть. Вряд ли можно заподозрить этих детей: они еще слишком малы, даже обряд имнаречения не прошли, даже если в ком-то из них есть сила, так ловко ею управлять они точно не умеют. Жировит тихо отчитывал вышедшую из избы Беляну. Слов Найдана не разобрала, но по нему было видно, что он не просто недоволен, а очень зол. Беляна даже не пыталась оправдаться, стояла, понутив голову. Должно быть, она опять без спросу забралась в укладки мужа. Можно было подумать на Беляну или Жировита, ведь если с другими отношения у Найданы были ровными, то с этой парочкой – более чем прохладными. Но вряд ли они владеют магией, это просто злые, жадные люди, и все. Уж с Беляной-то она когда-то хорошо общалась, помнится, даже касалась ее руки. А прикосновением не обмануть: нет в ней волшебной силы!

Каждый был занят своим делом, и никто не смотрел на Найдану. Кто из этих людей мог послать ей в спину этот колкий взгляд? Мимо прошла женщина с полными ведрами, эта и вовсе смотрела себе под ноги, боясь запнуться и расплескать воду. Найдана проводила ее взглядом и, убедившись, что женщина ни при чем, переключилась на других. Какие-то люди выходили из своих изб, какие-то заходили обратно, вот и Беляна с Жировитом зашли в дом, чтоб продолжить выяснять отношения не при людях. Дед Дакша, вконец расстроившись из-за разрушающихся устоев и законов, потряс дрожащим кулаком в сторону сына, а потом бессильно махнул рукой и пошел восвояси, ворча: «Нужно было крепче драть, пока поперек лавки лежал!»

Не разобрать теперь, кто же поглядел на Найдану. Да и ощущение колкого взгляда пропало, так и осталось загадкой, кому он принадлежал. Одно Найдана поняла: здесь, в деревне, есть еще кто-то, кто владеет чародейской силой. Теперь она была в этом уверена.

– Зима рано начнется... – произнес Ведагор, когда Найдана снова пришла к нему. – Лишь бы мороз до снега не ударил...

Он помешивал в котле какое-то странное варево, похожее на кисель. Но кисель не варится так долго, а Ведагор, похоже, и не собирался снимать котел с огня.

– Как ты узнал? – спросила Найдана, с любопытством заглянув в котел, но не унюхав ничего аппетитного.

– А вот, видишь, муравейник какой высокий. Весной тут пусто было. Значит, торопились мураши. Они-то погоду лучше любого человека чувствуют.

– Значит, это не чародейство? Я думала, ты опять в грядущее заглянул, а это всего лишь мураши...

Ведагор запрокинул голову и рассмеялся:

– Мураши. И птицы. И листья на деревьях. Посмотри, на березе первая желтизна на макушке виднеется, значит, зима рано начнется. А если желтеет снизу, то холода задержатся. И ты не думай, что мураши неразумные, суетятся чего-то, бегают, былинку таскают туда-сюда. Если присмотришься, увидишь, что не просто так они бегают, а с умыслом. И у каждой букашки свое дело есть. Тут и чародейства никакого не надобно, смотришь на них, а они подсказывают. Вон и гуси уже на крыло встали. Рано сей год. Живность – она ближе к природе, чувствует ее. Это человек занят своими делами и порой не видит, что кругом творится, даже у себя под ногами не разберет... – Ведагор замолчал, задумчиво поглаживая бороду. – Знаешь, думал я давеча над твоими словами. Ну, о том, что без колдунства в деревне не обошлось. Та песья шерсть, что ты принесла... показалось мне, что не простая она. Ты не почувала в ней ничего странного?

– Ох, я тогда такого страху натерпелась, что ничего не чуяла! – махнула рукой Найдана. – А теперь пес и вовсе пропал. Может, в лес такой дикий подался.

– Он-то будто заколдован был или зельем опоен. Его шерсть в себя впитала все это, а ничто так хорошо не скажет о колдовстве, как волосы или шерсть, – задумчиво проговорил Ведагор. Он потер пальцы друг о дружку, будто теребя комок шерсти и вспоминая свои тогдашние ощущения. – Так что, может, и права ты. Может, и наслано на деревню какое-то чародейство.

Варево в котле запузырилось и с шипением плюнуло на костер, испустив неприятный запах. Ведагор тут же спохватился и торопливо помешал свой странный «кисель».

– Но как узнать это точно? – спросила Найдана.

Ведагор нахмурил брови и уставился на варево, пузырившееся и клокотавшее в котле. Блики огня освещали его лицо, делая одни морщины почти незаметными, а другие, наоборот, четче и глубже.

– Постой!.. – старик встрепенулся, затем на мгновение задумался и принялся рыться в холщовых мешочках, привязанных к его поясу. – А ведь есть средство! Можно узнать, напущено на человека колдовство или нет. Вот тебе чешуя морского змея, истолки ее в порошок, добавь в кипяток, да пусть хорошенько настоится. И еще нужно немного козьего молока. Сможешь добыть? У меня-то козы нет.

– Смогу, конечно! Это проще, чем черная собачья шерсть. Сколько нужно-то?

– Да хотя бы несколько капель. Но чем больше, тем заметнее ответ будет. Ну и вот, пройдет мимо человек, а ты возьми да и полей это зелье на его след. Только не медли, след должен быть свежим. Коли напущен на человека морок или колдунство какое, то сразу поймешь. А нет, так ничего и не произойдет.

Ведагор взял большую ложку, зачерпнул варево, внимательно посмотрел на него, поворошивая ложку так и эдак, понюхал, а затем вылил обратно, не попробовав на вкус. Варево лилось густой струей, хлюпая, брызгаясь и издавая смрад.

– Как же ты это есть будешь? Оно же воняет нестерпимо! – не выдержала Найдана.

– А я и не буду это есть, – усмехнулся Ведагор. – Задумал я одну штуку... Если получится, то соберу все свои знания в одном месте. Глядишь, тебе потом пригодится. Стар я уже. Стал бояться, что не успею передать тебе все, что знаю.

– Брось! Стар он, видите ли! – возмутилась Найдана. – Даже не думай передавать мне знания при помощи этой вонючей штуковины!

– Ладно, ладно, – засмеялся Ведагор, но помешивать варево все же не перестал. – Ты мне, главное, потом скажи, как получится с зельем-то.

– Истолочь в муку... – шептала Найдана, старательно разминая чешуйки каменным пестиком.

В очаге уже давно полыхал огонь, и даже вода в чугунке начинала закипать: по поверхности разбегались мелкие пузыри. Вот пузыри стали крупнее, и вода уже бурлила не переставая, то и дело выбрызгиваясь на огонь. Найдана ловко достала чугунок ухватом и сдвинула его на край очага, где камень был не такой горячий. Чешуя морского змея к тому времени превратилась в черный порошок, слабо поблескивающий в свете огня. Найдана ссыпала его в чугунок, размешала и прикрыла крышкой. Теперь нужно раздобыть молока. Найдана задумалась. Спрашивать у хозяев нет смысла: все равно никто не даст. Придется взять без спросу. Никогда прежде Найдана не брала чужое без спросу. Но тут же нужно всего несколько капель! Неужели кто-то обеднеет из-за нескольких капель молока? Должно быть, тот, кто украл ее хвост, тоже решил, что она не обеднеет из-за нескольких сухих веток, а ей это очень не понравилось. Найдана махнула рукой: нужно отбросить сейчас все эти рассуждения о добре и зле, ей нужно немного молока, чтоб, возможно, спасти деревню. Значит, это нужно не ей, а всей деревне. Да! Найдана схватила крынку, наспех завернула ее в полотенце и, прижав к груди, выбежала на улицу.

Обычно козы паслись за оградой под холмом, где река делала поворот, огибая небольшую рощицу. Найдана побежала туда. Да, так и есть: козы пощипывали травинки, стараясь выбрать не слишком пожухлые, вставляли передними ногами на стволы деревьев, пытаясь дотянуться до последних зеленых листьев. Найдана затаилась за кустом, высматривая, не подойдет ли какая коза поближе. Лишь бы не попасться на глаза Ерошке! Раньше-то он пас всех коз, а теперь, когда все в деревне переругались, присматривает только за своими двумя, но зоркие глаза Ерошки по привычке осматривают весь участок.

Белая коза с черной раздвоенной полосой на спине подошла всех ближе к Найдане.

– Мека, мека, иди сюда!.. – зашептала Найдана. Она торопливо отломила ивовую ветку и поманила козу к себе: – Смотри, что у меня есть. Иди сюда.

Козы поблизости оживились, учуяв человека, Ерошка что-то заподозрил и, вытянув шею, стал смотреть в сторону Найданы, но та вовремя спряталась за куст. Пастух успокоился, не заметив ничего странного, и прилег на освещенный осенним солнцем бугор.

– Мека, иди сюда!.. – снова позвала Найдана козу.

Коза с черной раздвоенной полосой на спине перестала жевать и недоверчиво уставилась на нее желтым глазом.

– Воот, ладно, иди сюда, смотри, что у меня есть, – Найдана осторожно помахала веткой.

– Ме-е-е! – заблеяла коза и бойко поспешила к аппетитной ветке.

– Вот и ладно, – прошептала Найдана, ухватила козу за рог и подтащила к себе поближе.

Коза – это не свирепый пес, который норовит сожрать тебя заживо. Какое зло от козы? Разве что боднуть может. Так если знаешь к ней подход, она и не боднет. Задобрив животину ивовой листвой, Найдана присела рядом и подставила под вымя крынку, не забывая поглядывать в сторону Ерошки. Вот стыдобища-то будет, если он заметит, как Найдана доит чужую козу!

Тугая струя молока звонко ударила в дно крынки, вторая, третья. Найдана заглянула внутрь посуды:

– Ну, пожалуй, и хватит. Тут гораздо больше, чем несколько капель.

Она снова завернула крынку в полотенце и, прижав к груди, будто величайшую драгоценность, поспешила обратно в избу.

– Добавить несколько капель... – бормотала Найдана, открывая крышку на чугушке. Осторожно наклонив крынку, она отсчитала семь капель, но отвар от этого количества не изменился – и цвет, и густота, и даже запах остались прежними. Хватит ли семи капель? – Ай, ладно! Ведагор сказал, чем больше, тем лучше, – и она вылила в чугунок все молоко. Оно узорчатыми завихрениями сразу же разошлось по всему отвару, превратив его в белесую мутную жидкость. Так-то лучше. Зелье готово.

Найдана отлила немного варева обратно в крынку и, выйдя с ней на улицу, осмотрелась. Неподалеку бабка Ружана выловила мальчонку и за какую-то провинность трепала его за ухо. Найдана пошла к ним.

«Налить на свежий след», – мысленно повторяла она, неслышно шевеля губами. Но насколько он должен быть свежим? Почему-то Найдана не уточнила этого у Ведагора. Свежий – это когда человек только-только оторвал ногу от земли и еще не успел опустить ее? Или человек может отойти на несколько шагов, а след еще какое-то время будет считаться свежим? Или след свежий, пока поверх него не наступит кто-то другой? Тут главное – не ошибиться. Найдана старательно вглядывалась под ноги Ружаны, пытаясь заприметить, где та оставит след. Вот сорванец крутнулся и, вырвавшись из ее цепких рук, задал такого стрекача, что только пятки засверкали. Бабка аж пошатнулась от неожиданности и на миг замерла, но спохватилась и принялась пуще прежнего кричать и грозить кулаком ему вдогонку. Найдана не стала терять времени, подскочила и плеснула на то место, где только что стояла Ружана – на наисвежайший

след. Бабка Ружана, которая до этого не видела ее, от неожиданности вздрогнула и замахала руками:

– Вот чумная девка! Ты-то чего под ногами путаешься? Вон, пролила чего-то, недотепа!

Найдана молча стояла, опутив глаза в землю. Со стороны могло показаться, что она – сама кротость, молча выслушивает, как ее бранят, не перечит, и даже взгляда поднять не смеет. На самом же деле она смотрела, как на тропе, в том месте, куда она плеснула зелье, шипит и пузырится пена. Вот он ответ, о котором говорил Ведагор. Это было так удивительно, что Найдана не могла отвести глаз. Ружана, не замечая, что творится у нее под ногами, наоралась в свое удовольствие, махнула рукой и ушла восвояси.

– Значит, и бабка Ружана заколдована... – пробормотала Найдана, глядя вслед удаляющейся старушке. Но почему-то это не сильно удивляло. Найдана была уверена, что какому-то заклятию подверглась вся деревня, все ее жители. Она опустила руку в крынку, зачерпнула немного зелья и сбрызнула на тропу. Капли, соприкоснувшись с землей, по которой еще недавно проходил кто-то из деревенских, тут же превращались в шипучую пену. Повсюду. Где бы ни сбрызнула Найдана зельем, оно показывало, что здесь оставил след заколдованный человек. Найдана задумалась, потом наступила одной ногой перед собой, намеренно посильнее вдавив ступню в землю, чтоб остался хороший отпечаток, и плеснула на него прямо из крынки. Ничего не произошло. Зелье мутной лужицей скопилось в углублении, постепенно впитываясь в землю. Значит, на нее колдовство не подействовало? Или колдун намеренно обошел ее своим заклятьем? Что же ему от нее нужно? И кто он?

– Ведагор! Это правда! Они все заколдованы! – с ходу закричала Найдана, едва завидев старца возле его землянки.

Он сидел на пне возле костра и занимался чем-то чудным, на что Найдана сперва не обратила внимания. Перед ним лежало несколько решеток, сколоченных из ровных веток, на которые был туго натянут холст. Ведагор то и дело трогал их, передвигал с места на место, чередуя – то одну решетку пододвинет поближе к огню, то другую, то повернет другой стороной.

– Ну, рассказывай, – спокойно ответил он, не отрываясь от своего занятия.

– Я сделала все, как ты велел: наварила зелья и налила его на свежий след. И да, они все заколдованные! – тараторила Найдана.

– Ну, налила, и что? Что показало-то? – Ведагор к огромному разочарованию Найданы не подскочил, услышав ее слова, не начал бегать, возмущенно махать руками и искать способ, чтоб освободить жителей деревни от заклятья.

– Как что? Пена пошла! Все запузырилось белыми пузырями! – воскликнула Найдана. – Я потом в свой след плеснула, и ничего не показало.

– Пузырями, говоришь? – Ведагор ненадолго отстранился от своих решеток и задумался, поглаживая бороду. – Значит, напущено-таки чародейство.

– А я что говорила! – Найдана хлопнула себя руками по бокам. – Что теперь делать-то?

– Что делать?.. – задумчиво повторил вопрос Ведагор, взял одну решетку, внимательно присмотрелся к ней, повернув так и эдак, а затем осторожно ковырнул ногтем холст у самой ветки, подцепил и медленно отделил серый пласт размером с небольшую тарелку. Аккуратно прощупал его, осмотрел со всех сторон и, явно оставшись довольным результатом, отложил в сторону, где уже лежало два таких же пласта. – А что тут поделаешь, коли колдун себя ничем не выдает? Остается присматриваться да прислушиваться. Вот интересно мне знать, как он так исхитрился остаться незамеченным... Али средство есть такое?.. В любом случае, пока мы не узнаем, кто тот колдун, мы ничего не сможем сделать. Слишком большая у него власть над людьми. Кабы один заколдованный был – это один разговор. А так это чародейство можно победить, только славив с колдуном. Ходи да поглядывай. Да осторожней будь!

Ведагор зачерпнул ложкой варево из котла и осторожно налил его в освободившуюся решетку, размазав ровным слоем.

– Что это за блины такие странные ты стряпаешь? – спросила Найдана, наблюдая за действиями старца.

– Это не блины. Помнишь, давеча сказывал, что хочу оставить тебе свои знания? Вот делаю, – ответил Ведагор.

Найдана присмотрелась. А ведь и правда, варево в котле – то самое, которое недавно пузырилось на огне, источая смрадные ароматы, только теперь оно остыло и потому не так воняло. Так что же делал Ведагор – сушил, что ли, это варево? Похоже на то. Вот старец размазывал его по холсту, натянутому на деревянную обрешетку, жидкость протекала сквозь ткань, оставляя наверху одну гущу, которая и засыхала тонким пластом. Получались плотные листы, похожие на блины.

– Потом я их все соединю вместе, и на каждом изложу про разные снадобья, заговоры, травы – все, что знаю, – пояснил Ведагор.

Найдана кивнула. Это была хорошая задумка, нужно будет ей потом тоже записать свои знания, ведь все-то в голове не сохранить. А еще хорошо, что ей не придется есть эту вонючую жижу, как она сначала подумала.

Найдана повязала платок, надела кожух. Никогда прежде она не доставала кожух из сундука так рано. Но сей год уже нечего было ждать тепла и надеяться, что осень еще хоть на пару дней промелькнет привычным для нее низким солнечным лучом и ароматом прелых листьев. Даже обычных затяжных дождей ждать не стоило. Уж скорее снег пойдет в такой холод.

Еще можно сходить в лес за орехами, собрать потемневшие от мороза яблоки. Такие яблоки свежими храниться уже не будут, но их можно порезать и засушить. Закутавшись потеплее, Найдана взяла корзину и вышла из избы. На улице было пусто и тихо. Из маленьких окошек почти каждой избы валил дым. Должно быть, люди, за лето отвыкшие от холода, без особой радости восприняли первые и сразу такие сильные морозы, вот и сидят по домам, греются. Хорошо греться, когда всей семьей человек в десять разом вышли, да и принесли в дом каждый по корзинке припасов. Да даже если кто-то один из семьи что-то раздобыл – уже радостно на столе. А Найдана одна. Что сама раздобудет, что заготовит, тем и сыта будет. А не заготовит, так и винить будет некого. Как тут не вспомнить жизнь в родительском доме, когда ей – выросшей в любви и достатке – даже в голову не приходило, что бывают трудности и неудачи, что такое – когда живот от голода, кажется, к спине прилипает.

У ворот, опершись подбородком на кулак, держащий посох, стоял дед Дакша. Седые волосы, не покрытые шапкой, трепал колючий ветер; стариковские глаза слезились не то от холода, не то от переживаний, и редкие слезинки скатывались по глубоким бороздам морщин, утопая в них и теряясь в бороде. Дакша не утирал слезы, словно не замечая их. Он смотрел вдаль и думал о чем-то своем. Найдана поравнялась со стариком и, услышав обрывки слов, остановилась неподалеку и прислушалась: ни к ней ли он обращается?

– Уж лучше бы снегу побыстрее навалило... – задумчиво сокрушался дед Дакша. – С такими заморозками померзнет же все! В следующем году ни ягод, ни яблок не будет. Ни людям, ни животине. А снежком бы прикрыло, и никакой мороз не страшен. Что делается? Что делается?... Зима вперед осени – не иначе конец Яви приходит...

Найдана ничего не ответила. Да и Дакша, похоже, не ждал ответа, разговаривал сам с собой. Он будто даже не заметил ее рядом. Найдана вздохнула и пошла дальше. Здесь с каждым днем все становились более странными. Кто-то влиял на разум людей. Вот и дед Дакша, продержавшийся дольше других, стал сам с собой разговаривать. А еще смеялись над сумасшедшей бабкой Перуникой! То ли еще будет... Как же распознать того, кто навел заклятье на жителей деревни?

Так и не дойдя до орешника, она набрала полную корзину подмерзших яблок. Орехи – они все равно в скорлупе, авось им там не так холодно. У яблок кожица тонкая да нежная, ударь мороз посильнее – и вовсе нечего будет собирать. А орехи – ничего, можно и в другой день за ними прийти. Еще потом нужно будет выбрать денек, хворосту побольше наносить, пока снегом все не замело.

Натянув рукава на озябшие руки, Найдана тащила тяжелую корзину на локте, планируя про себя, что еще нужно успеть сделать до зимы, и не проще ли было бы переждать зиму в землянке Ведагора. Ведь вдвоем сподручнее, да и веселее. К тому же у Ведагора в землянке уж точно нет никаких враждебных колдунов, да и место там вокруг заговоренное. А тут того и гляди получишь каким-нибудь заклятьем по голове. Из-за угла. Без предупреждения. И как же этому колдуну удастся так удачно скрываться, что даже мудрый Ведагор не может его распознать?

Осень в этом году выдалась ранняя и холодная, как и предупреждал Ведагор. Первые крепкие морозы ударили еще два месяца назад, в середине вересня, напрочь снеся все грибы в лесу. Кто откладывал заготовку грибов, рассчитывая спокойно насобирать их уже после жатвы и сбора урожая, тот остался без грибной похлебки и пирогов в зиму. Морозы ударили, а снега все не было. Не зря переживал дед Дакша.

Зябкие осенние ночи, припудренные белым инеем, заставили рано заволочить оконца, и теперь в избе без зажженной лучины и вовсе ничего не было видно. Найдана лежала с открытыми глазами и смотрела в черный закопченный потолок. Думы приходили одна за другой, цеплялись, обрывались, вдруг из оборванных кусочков появлялись новые, даже отдаленно не связанные с прежними. Потолок уже стал казаться бездонным ночным небом. Как будто даже звездочки то там, то тут тускло вспыхивали и гасли. Мышь в углу зашуршала. А это и не мышь вовсе, а ветер, перебирающий зрелые стебли травы в поле.

Вдруг раздался тихий скрип. Найдана не сразу его распознала, соображая, что же может издавать этот звук. Деревья, покачивающие на ветру ветвями? Толстые ветки касаются друг друга, трутся, вот и скрипят. Повеяло прохладой, будто и правда ветер. Нет, не похоже... Слишком уж тягучий и долгий скрип. Словно кто-то пытается сдержать его, сделать тише, а оттого он, наоборот, становится более раздражающим. Найдана села в постели и осмотрелась. Узкая щель возле двери медленно растягивалась вширь, скрипя и тонко взвизгивая. Она выделялась чуть более светлым прямоугольником, наполненным лунным светом. Найдана притихла, обратившись в зрение и слух: каким-то чутьем она точно знала, что там кто-то есть. Но она точно закрывала дверь на засов перед тем, как лечь спать. Кому же удалось ее отпереть? Найдана напряженно всматривалась в одну точку, и вот ее глаза различили темное пятно, медленно движущееся в дверном проеме. Она хотела спросить, кто там, но голос застрял в горле, будто она снова стала немой.

– Впусти меня! – раздался отчетливый шепот.

Найдана вздрогнула от неожиданности. До сих пор можно было надеяться, что это ветер открыл дверь, и, значит, бояться нечего; должно быть, Найдана просто запаматовала и с вечера не заперла засов. Но теперь стало ясно, что там, у порога, стоит человек. Или тот, кто обладает человеческим голосом. Найдана не узнала этот голос. Она не могла вспомнить, слышала ли его раньше. Более того, невозможно было понять, принадлежит ли он женщине или мужчине.

– Впусти же меня! – настаивал шепот и мягче добавил: – Я не сделаю тебе дурного.

«Так чего же не заходишь?» – хотела спросить Найдана, но слова обрывались, так и не вылетев из рта.

Кто бы то ни был, почему он не может перейти порог? Что ему мешает?

И вдруг ее осенило: это снадобье Ведагора, которым она еще летом хорошенько натерла порог, чтоб никто, желающий ей зла, не смог войти в избу. Значит, тот, кто стоял там, вопреки своим утверждениям, желал ей зла. Значит, еще действует Ведагорово снадобье.

– Подойди ко мне, – раздался шепот. Но Найдана только сильнее прижалась к стене. Сейчас никто не смог бы убедить ее слезть с лавки. Лишь бы дожждаться утра, а там с криками петухов весь этот морок исчезнет.

Возле входа послышался шорох и скрежет. Найдана напряженно прислушалась. Кто-то скреб стену. Неужели пришлый нашел лазейку? Может, она пропустила какой-нибудь крохотный участок величиной с полвершка? Или где-то волшебное снадобье стерлось? Ведь сколько времени уже прошло. Может, незванный гость пытался соскresti зелье с порога? Напрасно. Найдана тогда хорошенько его втерла. Именно поэтому оно все еще сохранилось.

Шорох делался громче и как будто приближался. В панике всматриваясь в темноту, Найдана пыталась выцепить взглядом фигуру или хотя бы промельк движения. Страшнее всего вмиг оказаться лицом к лицу с опасностью. Гораздо увереннее себя чувствуешь, когда держишь врага на расстоянии.

Напряжение нарастало. Шорох тоже. Не выдержав, Найдана бросила беглый взгляд на очаг, и в тот же миг в нем вспыхнул огонь, запрыгав на приготовленных с вечера сухих поленах и озарив избу. Человек у порога – а Найдана теперь четко видела, что это был человек, – пытался просочиться в избу у самого косяка, тесно прижимаясь к нему. Он цеплялся за бревна пальцами, колкие занозы забивались ему под ногти, но он упорно пробирался вперед. Вот он уже почти наполовину вполз в избу, оставалось совсем чуть-чуть, и тут вспыхнул свет. Найдана узнала его, хоть мокрые рыжие волосы прилипли к перекошенному лицу пришельца и почти полностью скрыли его. Это был Жировит. Он вдруг схватился руками за лицо. Раздался крик, дикий, истошный крик, словно огонь полыхал не на поленах в очаге, а обжигал самого Жировита. Он оттолкнулся и торопливо скрылся во тьме.

Не в силах пошевелиться, Найдана сидела, обхватив себя руками, и смотрела на черный отпечаток ладони на стене в том месте, куда удалось дотянуться Жировиту. Распахнутая дверь хлопала от ветра, каждый раз запуская в избу новую порцию холодного воздуха. Нужно бы подойти и закрыть ее. Но боязно. Что там таится в черном проеме? Найдана куталась в одеяло, стараясь усмирить озноб. Что нужно было Жировиту? Что он задумал? Черный след от ладони притягивал ее взгляд. Неспроста все это.

Вдруг неожиданно из темного дверного проема с дикими криками выскочило чудовище и бросилось прямо на нее. Найдана закричала от ужаса и... проснулась. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Дыхание сбивалось. Найдана еще какое-то время сидела, озираясь по сторонам и пытаясь сообразить, что произошло. В памяти еще был свеж страшный облик чудовища – черного, с огромными вытарашенными белыми глазами, разделенными узкими вертикальными зрачками, и оскаленной зубастой пастью. Огонь в очаге не горел, и тьма ровно расплывалась по избе. А еще было тихо. Так тихо, что казалось, будто вокруг царит покой. Но все равно спустить ноги с лавки было страшно. Найдана зажгла лучину, робкий, трепетный огонек, которой вмиг отодвинул темноту в дальний угол. Теперь стало видно, что дверь плотно закрыта и засов задвинут, что дрова в очаге, приготовленные с вечера, нетронуты, а на стене возле двери нет черного отпечатка ладони.

Найдана медленно выдохнула:

– Приснится же такая пакость...

Наконец-то выпал снег. Найдана вышла из избы и невольно зажмурилась от такой слепящей белизны. Белый цвет был настолько ярок, что на какое-то время делал больно глазам. До слез. Но стоило перетерпеть и привыкнуть, и вот уже душа наполнялась этим белым светом – чистым и прекрасным. Хотелось улыбаться и безгранично вдыхать этот белый свет, любоваться

им. Зима прибрала за осенью, прикрыв все ее огрехи белым покрывалом. Даже не верится, что в такой сверкающей чистоте может затаиться зло.

Нужно было поторопиться, пока слой снега не стал слишком толстым, и можно насобирать еще хвороста. Найдана схватила веревки и поспешила в лес.

Мороз отпустил и уже не щипал так рьяно за нос и щеки. В детстве Найдана любила гулять в такие дни. А уж первого снега ждали все ребятишки, никто не упускал возможности в нем поваляться. Найдана зачерпнула горсть снега и, зажмурившись, размяла его, с наслаждением чувствуя холод, колкость, влагу, бегущую между пальцев. Она бы сейчас тоже с удовольствием покидалась снежками, покаталась бы с горки. Даже любому старику эти забавы в радость, они не отказывают себе в таком удовольствии. Но нет. Не сейчас. Нужно сначала делами заняться. Найдана отряхнула руку, вытерла о бок кожуха, нацепила рукавицы и побежала в сторону леса. Быстрее наберет хвороста, успеет еще и в снежки поиграть.

Да, выискивать хворост под снегом гораздо труднее. А легче всего – по весне, когда снег стаял и видны все ветки, которые нанесло зимними бурями. Не то что в первую половину зимы, когда снег с каждым днем добавляется и добавляется, скрывая под собой все, и хворост в том числе. Найдана ходила от ветки к ветке, собирая вязанку.

Она пыталась сосредоточиться на хворосте, но то и дело в задумчивости останавливалась. Найдана так обрадовалась снегу, что не обратила внимания на что-то другое, более важное. И теперь это что-то смутно беспокоило ее. Так бывает, когда забудешь слово, и мучаешься, вспоминая его. Найдана старалась отвлечься, но мысли снова и снова возвращались к тому, чего она не могла понять. Что не так? Что ее тревожит? Все ведь хорошо. Ну, относительно, конечно. Но не хуже, чем было прежде.

Вот уже набралось достаточно веток, чтоб топить очаг дня три. Найдана крепко перевязала хворост и направилась в деревню. Уже на подходе она вдруг остановилась. Белый снег покрыл склон, идущий к реке, – замечательная горка получилась! Найдана сняла рукавицу и, зачерпнув снег, смотрела по сторонам. Все вокруг сверкает и искрится какой-то торжественной, волшебной белизной. И тишина... Только слышно, как снег поскрипывает под ее ногами.

И тут Найдана поняла, что не так: на улице не было детей. Никто не бегал, не смеялся, не кидался снежками. Это показалось очень странным. Не было и взрослых. И деда Дакши, который обычно стоял возле чуров, и от которого не скрывалась ни жизнь внутри ограды, ни происходящее за ней, тоже не было на своем привычном месте. Найдана медленно шла, осматриваясь вокруг, наступая на чьи-то следы, попадая один в один. Это же ее следы! Это она шла к лесу. Неужели, кроме нее, тут больше никто не прошел? За целый день? Из хлевов доносилось жалобное мычание, блеянье, хрюканье, кудахтанье – на разные голоса. Видать, все ушли, даже не покормив животину. Что за важные, срочные дела вдруг у всех случились?

Она так увлеклась думами, что не заметила Жировита, и чуть не выронила вязанку, когда столкнулась с ним. От неожиданности она так перепугалась, что даже сердце забилося сильнее. А Жировит не шелохнулся. Прищулив светлые, почти желтые глаза, он изучающее смотрел на нее. Почему-то сразу вспомнился тот странный сон, и стало совсем неприятно.

– Чего гляделки вылупил? – спросила Найдана, понимая, что обращается к соседу непозволительно грубо, матушка непременно поругала бы ее за это. Но, с другой стороны, если он тут просто стоял, то наверняка видел, что она идет с огромной вязанкой хвороста и не смотрит по сторонам, уж мог бы и отойти с ее дороги. Так ведь нет, ждал до последнего, пока она в него не врезалась!

Жировит ничего не ответил, но и не сдвинулся с места. Найдана вздохнула и сделала шаг в сторону, чтоб обойти его. Жировит тоже шагнул в ту же сторону, не сводя с нее глаз. Найдана замешкалась. Еще этот хворост! Слишком тяжелая вязанка, чтоб с ней просто-то идти, а тут еще приходится этикие выкрутасы выделявать. Найдана отступила обратно. Жировит криво усмехнулся и не сдвинулся с места. А Найдана, торопливо обходя мужика, нечаянно коснулась

его руки. Прибавив шагу, она поспешила к своей избе, стараясь ничем не выдать вдруг охватившую ее панику. Скинув вязанку возле избы, Найдана быстро юркнула в дом, и только лишь скрывшись за дверью, прижалась к стене и выдохнула:

– Я знаю, кто колдун!..

Глава 3. Вырвавшаяся тьма

Прикосновение не обманывает. Бывает, почувствовать колдуна на расстоянии не удастся, а вот прикоснувшись к нему, всякий, у кого есть хоть какие-то колдовские способности, сразу поймет, кто перед ним. Найдана ведь никогда прежде не дотрагивалась до Жировита. Она попыталась вспомнить, так ли это. Точно, никогда. Даже когда прикосновение казалось неизбежным, он ловко уклонялся. Помнится, когда Жировит выторговал ее серьги, то не взял их сам, а велел отдать жене. А иначе Найдана еще тогда, коснувшись его руки, поняла бы, что не так-то он прост.

– Нужно сказать Ведагору!.. – бормотала Найдана. Она была растеряна и одновременно взбудоражена. – А ведь я подозревала, что с ним что-то неладно, только доказательств не было. Значит, это он наслал заклятье на деревню.

Найдана уже сложила руки, чтоб, сделав несколько пассов и произнеся заклинание, оказаться возле жилища Ведагора, как вдруг вспомнила свои тревоги. Куда же, все-таки, пропали люди? Что если им угрожает опасность и нельзя медлить ни мгновения? Найдана вышла во двор. Жировита видно не было. Эх, нужно было проследить, куда он делся! Должно быть, ушел туда, где сейчас все остальные. Но как узнать, куда именно? Следы! Найдана удивлялась, что других следов, кроме ее, нигде не видно. Снег шел всю ночь, значит, народ ушел еще до снегопада. Но следы Жировита точно должны остаться, и вот по ним-то Найдана и узнает, куда он направился. Девушка поспешила туда, где встретилась с колдуном. Вот за этой избой, – Найдана внимательно осмотрела заснеженную тропу. Но там были лишь ее следы! Вот же – шаг в одну сторону, в другую: Жировит в этом месте не давал ей пройти, но его следов не было. Уж не приснился ли он ей снова? Чья это изба? Асилы – старшего сына Дакши. Возле этой избы следов тоже не осталось, стало быть, все ушли еще до снегопада. Но почему же так жалобно мычит корова в стойле? Жена Асилы, несмотря ни на что, хорошая хозяйка, она ни за что не оставила бы животину некормленной. Найдана подошла к двери, робко толкнула ее и, оглядевшись по сторонам, решила зайти в избу. Дверь тут же захлопнулась за ней, погрузив все вокруг в темноту. Тихо. Привыкшие к яркому свету глаза с трудом различали предметы, но Найдана сразу почувствовала, что изба выстужена. Печь точно не топилась утром. И неизвестно, топилась ли давеча. Вдруг ей померещилось какое-то движение чуть в стороне. Она и сама не поняла, то ли увидела что-то, то ли звук какой донесся. Найдана вытянула руку в темноту, чтоб случайно ни на что не наткнуться.

– Здесь есть кто-нибудь? – спросила она неожиданно сдавленным, хриплым голосом, затем прокашлялась и повторила вопрос.

Вдруг из темноты прямо на нее бросилось нечто, покрытое шерстью, с огромными вытаращенными белками глаз – совсем как в ее сне. Это было так неожиданно, что Найдана не успела ни вскрикнуть, ни сообразить, что происходит. Чудовище оттолкнуло Найдану так сильно, что та со всего маху ударилась об стену, стремительно кинулось к двери, на мгновение распахнуло ее и выскочило наружу. С улицы ворвался свет, ненадолго озарив избу, и этой мимолетной вспышки Найдане хватило, чтоб увидеть все семейство Асилы... Кто-то лежал на лавке, кто-то на полатах, сам Асила растянулся на полу. Найдана почувствовала недоброе. Взмолнованно дыша, слыша, как колотится ее собственное сердце, готовое разорваться от ужаса, дрожащей рукой она нащупала на стене светец с лучиной. Вот он. Даже беглого взгляда ведьмы хватило, чтоб зажечь огонь. Трепетное пламя тускло осветило избу.

– Эй! – позвала Найдана.

Никто не отозвался. Никто даже не шевельнулся.

Найдана подошла к Асиле, лежащему на полу лицом вверх. Только сейчас она заметила, что его глаза открыты и совершенно белые, а на лице взбухли тонкие синеватые жилки. Того и

гляди лопнут! Словно его кровь в один миг загустела, превратившись в кашу. От ужаса перехватило дыхание, но Найдана не смогла отвести взгляд. С опаской поглядывая на лицо Асилы, она присела рядом и, переборов себя, прикоснулась к его груди. В нем не было жизни... Даже крохотного лучика. Асила был мертв. Впрочем, как и все члены его семьи. В этой избе не осталось больше жизни.

Задыхаясь от волнения и страха, Найдана выскочила на улицу, судорожно хватая ртом воздух. Перед глазами стояли лица Асилы, его жены, их младшего сына, семья которого жила при них, его детей, некоторые из них еще не дожили до обряда имянаречения, двух совсем крошечных родишек. Одиннадцать человек... Все со вздувшимися синими венами и обесцвеченными белыми глазами.

Что там произошло?

Найдана бросилась в следующий дом. Здесь жила бабка Ружана с семьей младшего внука, у которого недавно появилось дите. Найдана распахнула дверь и, не заходя, заглянула внутрь, опасаясь, что из темноты на нее опять бросится чудище. Свет в избе не был зажжен. Ружана сидела на лавке, монотонно покачиваясь и глядя перед собой.

– Фух, живая... – выдохнула Найдана, и уже было хотела зайти в избу, но Ружана вдруг перестала раскачиваться, повернула к девушке лицо и пристально посмотрела на нее.

От неожиданности Найдана остолбенела. Глаза старухи были словно залиты черной смолой. Она смотрела прямо на Найдану, но в ее лице не было ни единой эмоции.

Найдана отпрянула и со всей силы захлопнула дверь.

Да что же это делается? Получается, они все не ушли до снегопада, как думала Найдана, они даже не выходили из своих изб.

– Жировит! Ты где?! Я знаю, что это ты сделал! – закричала Найдана.

Ответом ей был лишь шелест ветра. Но тут Найдана заметила, что следов на снегу стало больше. Они были повсюду. Кто мог все тут истоптать за какие-то мгновения? Найдана настороженно вглядывалась вокруг, пытаясь уловить хоть малейшее движение. Вот за углом ее собственной избы шевельнулось что-то темное.

– Брехун?... – робко позвала она пса.

Черное мохнатое существо начало выходить... Подниматься на задние лапы... И тут Найдана поняла, что это не пес. Перед ней стояло чудище с огромными вытаращенными глазами и неестественно белым оскалом. Именно это чудовище напало на нее в избе Асилы. Не собака, не медведь... это чудище не походило ни на какое живое существо. Оно, рыча, шло на нее, как ходит человек – на двух ногах. Неужели Жировит умеет менять облик? Найдана попятилась.

«Нужно просто думать, что это всего лишь Жировит. Да, в таком ужасном облики, но это просто Жировит», – мысленно успокаивала себя Найдана.

Чудище подняло передние лапы, будто намереваясь схватить ее. От испуга Найдана в попытке защититься резко вскинула руки, и чудище тут же отлетело в сторону, словно невидимый великан от души врезал ему огромным кулаком. Чудище еще громче зарычало, закричало и завалилось в сугроб. Почуввав свою силу, Найдана сразу стала увереннее. Ну да, Жировит пытается напугать ее, приняв нечеловеческий облик. Подумаешь, чудище, – и чего такого? На каждую силу найдется другая сила.

– Стоять! – откуда-то со стороны послышался властный окрик Жировита.

Найдана с удивлением обернулась. Жировит в своем обычном облике выходил из избы, где жил один из старших сыновей Ружаны. И приказ его был обращен к чудовищу, которое тут же смиренно замерло в ожидании. Значит, Жировит не поменял обличье, а взял себе в помощники чудище. Что ж, это сложнее...

Жировит уверенным шагом шел в сторону Найданы. Он остановился совсем рядом, вытянул руку и, не прикасаясь, провел ею перед лицом Найданы:

– Я никак не пойму, что ты за... ведьма такая?.. Вроде бы и тьмы в тебе достаточно... Но ведешь себя не как темная, – Жировит повел носом, будто принюхиваясь к ней.

– Я не темная! – раздраженно крикнула Найдана и отстранилась.

– Рассказывай кому другому! – усмехнулся Жировит. – Чего тебе надо в этой деревне? Найдана непонимающе уставилась на него: что он от нее хочет, какого ответа?

– Я первый сюда пришел и не уступлю тебе! Уходи, если хочешь жить. И помни мою доброту. Авось когда-нибудь и ты мне понадобишься, когда наберешься умений.

– Что ты делаешь с людьми?

– Не твое дело! Ступай, тебе говорю! И не вмешивайся. Я не хочу тягаться силой с неразумным дитем.

Найдана не сдвинулась с места. Насупившись, она смотрела на колдуна, который теперь даже не пытался притворяться обычным человеком. Жировит смело повернулся к ней спиной, уверенный, что нагнал на малолетнюю ведьму достаточно страха.

Что же с остальными жителями деревни? Что в той избе, из которой только что вышел Жировит? Бабка Ружана еще жива, или это только видимость жизни? Что сделалось с глазами людей? Почему у одних они мертвенно бледные, а у других черные, словно это и не люди, а навьи из подземного царства?

– Тягаться силой с неразумным дитем? – повторила Найдана слова колдуна и, когда Жировит обернулся на ее голос, вскинула руки. Ей не хотелось толкать его в спину, ей нужно было, чтоб он видел, кто на него напал.

Колдун споткнулся, припав на одно колено, но вовремя сообразил, как быть, выставил перед собой руку с растопыренными пальцами и закрылся от основной волны. Теперь он смотрел на девушку не снисходительно, а с удивлением, словно впервые увидел. Найдана не стала ждать, снова и снова обрушивая на Жировита колдовские удары.

– Взять ее! – крикнул колдун, и чудовище, до этого послушно стоявшее в стороне, бросилось на нее.

Найдана едва успела присесть и отгородиться от него ладонями. Она знала, что так создаст невидимое препятствие. Похоже, и Жировит владел этим знанием. Чудовище пронеслось над ее головой, едва не задев, и свалилось в снег, проехав на пузе добрых две сажени. Теперь нужно было быстро переключиться на Жировита – он ждать не станет. И точно, колдун уже поднял в воздух хорошую вязанку запорошенного снегом хвороста и метнул в Найдану. Еще одно невидимое препятствие, и хворост рухнул на землю, не долетев до цели. Сейчас главное – уследить за действиями обоих противников.

Вдруг рев и рычание донеслись совсем с другой стороны. Найдана оглянулась: оттуда на нее шло еще одно такое же чудовище! И еще одно. И еще! Да сколько же их здесь?! Чудовища медленно наступали, окружая ее.

«Пять», – сосчитала Найдана.

– Она нужна мне живой! – крикнул Жировит.

Чудовища, растопырив руки, окружали ее кольцом, намереваясь схватить. Пятеро чудищ и их предводитель – их слишком много, ей не справиться.

– Ведагор! – в отчаянии крикнула Найдана, потому что от испуга не верила, что старец услышит ее мысленное послание. Она заметалась из стороны в сторону, пытаясь вырваться, но шансов проскочить мимо чудищ не было.

Найдана медленно опустила голову, искоса поглядывая на приближающихся чудовищ, и вдруг резко крутанулась на месте, раскинув руки в стороны. Сухие ветки, которые еще недавно метнул в нее Жировит, снег, камни, что были скрыты под ним, – все поднялось в воздух и закружилось вместе с Найданой. Найдана остановилась, а все вокруг нее продолжало вращаться в бешеном хороводе, камни и ветки со всей силы врезались в чудовищ, те рычали,

выли, корчились и падали. А девушка смотрела сквозь мелькающую стену на Жировита и не двигалась с места. Теперь важно было не пропустить ответный удар колдуна.

Но тот медлил, должно быть, решал, как поступить, как будто от этого решения зависело очень многое. Потом он вдруг словно бы оступился, упал, но сразу же вскочил и обернулся. Теперь и Найдана увидела, что позади него стоит Ведагор. Жировит так напряженно думал, что позволил старцу подойти слишком близко. Найдана едва улыбнулась краешком губ. Рядом с Ведагором она чувствовала себя спокойнее и защищеннее, ей словно прибавлялось сил.

– Держи их! – крикнул Ведагор Найдане.

Та кивнула, сообразив, что должна взять на себя чудовищ, пока Ведагор займется колдуном. Повела руками, и стена вокруг нее завертелась еще быстрее. Чудища лежали, вжавшись в землю, и боялись пошевелиться – так им меньше доставалось от мелькавших в воздухе веток и камней.

Ведагор выхватил горсть коричневого порошка, швырнул его в сторону Жировита и произнес заклинание, которое Найдане из-за шуршащей, стучащей, вращающейся стены не было слышно. Порошок тут же воспламенился, обдав Жировита огненной волной. Жировит взмахнул руками, и Найдана четко увидела вдруг возникший прозрачный шар, защитивший его от огня. Пламя разбилось о невидимую преграду и погасло. Жировит захохотал, запрокинув голову, и, взмахнув руками, отправил в сторону старика удар такой силы, что тот отлетел в сторону, лишь с трудом устояв на ногах. Он выставил перед собой посох, быстро очертил им в воздухе круг и будто разделил его пополам. Жировит тут же рухнул на колени, словно небо обрушило на него свою тяжесть.

Они долго боролись, выкрикивали заклинания, швыряли друг друга и жгли огнем. Найдана видела, что Ведагор устал, но все равно не уступал Жировиту.

Вдруг Жировит закричал так громко, что даже Найдана услышала его сквозь шум мелькающей вокруг нее стены. Он раскинул руки и от напряжения затрясся всем телом. Из-под крыш, из приоткрытых дверей, из окон, из едва заметных щелей в стенах изб потянулся черный дым. Пожар? Там же люди! Найдана в панике заметалась, подалась в сторону ближайшей избы, и стена вокруг нее тут же стала успокаиваться. Чудовища зашевелились. Нет, нельзя их отпускать! Нужно дать Ведагору возможность расправиться с Жировитом. Найдана в отчаянии снова подняла руки.

Черный дым струился и тянулся к колдуну. Нет, все же это не было похоже на пожар. Найдана вдруг поняла, что Жировит невероятным усилием призывает к себе тьму, которую до этого вселил в тела людей.

– Ведагор! Осторожно! – крикнула она, но в тот же самый момент Жировит, ослабившись в злобной улыбке, обрушил всю собранную силу на Ведагора.

Тьма резким потоком устремилась в грудь старику. Ведагор замер, разметав руки в стороны и запрокинув голову к небу. Он словно окаменел, не в силах прикрыться, отразить удар или просто отойти в сторону, а тьма стремительным потоком била его в грудь, проникая внутрь тела.

Найдана закричала, с силой опустила руки вниз, и от этого движения на землю рухнула и стена, состоящая из веток, камней, снега и мусора. Рухнула прямо на распластанных чудищах. С криком отчаяния Найдана бросилась к Ведагору, но Жировит вдруг резко обернулся, вскинул руки, и Найдана, налетев на невидимое препятствие, отлетела в сторону, врезавшись в покатую крышу избы. Найдана охнула, будто из нее разом вышибло весь воздух. Под ней с хрустом лопнула балка, Найдана застонала и мешком скатилась на землю. Снег забился в рукава, за шиворот, от удара перехватило дыхание и помутнело в глазах. Судорожно хватая ртом воздух в попытке сделать полноценный вдох, она старалась разглядеть, что стало с Ведагором. Старец стоял на коленях, безвольно свесив голову и опустив руки. Ветер трепал его длинные седые

волосы и бороду. Жировит даже не смотрел на него, уверенный в своей победе, он шел на Найдану.

Собрав последние силы, девушка поднялась и приготовилась отразить его атаку, но в этот самый миг на Жировита сзади обрушился удар такой силы, что колдун подлетел в воздух и, несколько раз перевернувшись, упал в снег. С облегчением Найдана увидела, что Ведагор уверенно стоит на ногах, выставив вперед ладонь. Никогда прежде наставник не пользовался при ней такой магией. Жировит быстро опомнился, вскочил и уставился на старца. Найдана уже было приготовилась к новому, еще более страшному витку боя, ведь теперь чудищ ничто не сдерживало, и те, побитые, помятые, но все же живые, уже вставляли на ноги, но Жировит вдруг сделал несколько знакомых движений руками, произнес заклинание и исчез. Вместе с ним исчезли и все чудовища, видать, сила колдуна была столь велика, что он перенес и их. Но почему он это сделал? Почему сбежал?

Найдана, как могла, торопливо побежала к Ведагору. Теперь она видела, что выглядит тот неважно, и эти широко расставленные ноги вовсе не от уверенности в себе, а чтобы не упасть. Найдана подскочила к старцу и подставила плечо. И вовремя: Ведагор уцепился за нее и пошатнулся.

– Как ты? – взволнованно спросила Найдана.

В старике что-то изменилось. Найдана заглядывала ему в глаза, пытаясь понять, в чем дело. «Должно быть, это усталость», – решила она. Ведагор ласково погладил Найдану по голове, убрал с ее лица растрепавшиеся волосы, подтер пальцем тонкую струйку крови, сочившуюся из губы, и крепче прижал Найдану к себе.

– Я же говорил, что уже стар для этого, девонька, – виновато улыбнувшись, тихо проговорил он. – То ли было двадцать зим назад.

Люди выходили из своих жилищ, пошатываясь, словно очнувшись ото сна. Кто-то держался за голову, кто-то тянул ворот рубахи, пытаясь ослабить его, чтоб надышаться воздухом, как будто до этого и вдохнуть толком не получалось. Бабка Ружана вышла из избы и остановилась, ухватившись за дверь. Она снова выглядела как прежде, только сильно ослабла и еле стояла на ногах. Люди удивленно смотрели вокруг, друг на друга, что-то прояснялось в их мыслях, и они вдруг начинали плакать. Бабы падали на колени и рыдали в голос, обнимая детей, прижимая их к себе, мужики отворачивались, украдкой утирая слезы, сдерживать которые было невозможно. То были слезы очищения.

Не все жители деревни выжили после нашествия Жировита с его пособниками. Не обошлось без утрат. Погибла почти вся родня Асилы, уцелели лишь семьи его двух старших сыновей, которые жили в отдельных избах. Как знать, сколько было бы жертв, если бы у Жировита оказалось больше времени на свое темное дело? Люди попрощались с погибшими, воздав им все положенные почести, и стали учиться жить заново.

Прошло уже два дня с тех пор, как Жировит был изгнан из деревни, а Найдана никак не могла избавиться от чувства, будто случилось нечто страшное, и понимала, что это чувство никак не связано с общим горем из-за потери Асилы и его семьи. Что-то еще произошло именно в тот день. Она гнала от себя неприятные мысли, улыбалась людям, но навязчивое гнетущее ощущение снова возвращалось.

– Да ну, ерунда! – в очередной раз отмахнулась от него Найдана. – Что такого могло произойти? Все же хорошо! Мы с Ведагором справились и с этой напастью. Жировит ушел, люди освободились от заклятья – чего еще надо?

Но на сердце тяжелым камнем лежала печаль, которую Найдана не могла объяснить. Это самое трудное – когда сам себе не можешь объяснить свои чувства. Они мучают, рвутся наружу,

постоянно напоминают о себе и кружат, кружат, кружат вокруг, словно назойливая муха, которая и в руки не дается, и не улетает.

Вот опять что-то смутное шевельнулось в душе Найданы. Так легкий летний ветер приносит с собой едва уловимые запахи. Не успеешь понять, чем пахнет, а аромат уже растворился в воздухе, оставив лишь смутные воспоминания. Ах, если бы это был летний ветерок, если бы это был всего лишь запах! Найдана не стала бы тогда так тревожиться. Она вздохнула, приложив руку к груди.

– Нужно сходить к Ведагору. Да, нужно сходить к нему и рассказать о своих тревогах. Уж он-то сможет их объяснить.

Найдана торопливо повязала платок, накинула кофуж и выбежала из избы. Навстречу попадались люди, они что-то ей говорили, но Найдана отвечала невпопад. Она торопилась, будто от этого зависела ее жизнь.

Едва выйдя за ворота, девушка тут же сложила руки перед грудью в волшебном заклинании, прошептала заветные слова и оказалась на поляне перед землянкой Ведагора. Она даже не подумала, что ее странное исчезновение кто-то может заметить и потом использовать против нее же. Ее так поглощали необъяснимые тревоги, что ни о чем другом не думалось.

Здесь было непривычно тихо. Потухшее кострище черным пятном выделялось на белом снегу. Снежинки медленно кружились над ним и яркими белыми точками ложились на прогоревшие уголья. Костер давно потух и зола успела совсем остыть.

– Ведагор! – громко позвала Найдана.

Эхо подхватило ее голос и унесло его за деревья в чащу леса. Окрик затих где-то вдалеке и снова навалилась гнетущая тишина. Даже птиц слышно не было. Даже ветер не шумел в ветвях деревьев. И снежинки все так же медленно и бесшумно опускались с неба. Найдана подошла ближе к землянке, оглядываясь по сторонам. В тишине особенно громким показался хруст снега под ногами. Найдана даже удивилась: неужели он всегда так громко хрустит? Здесь повсюду чувствовалось присутствие старого ведуна. Значит, он где-то рядом.

Найдана торопливо повернула засов-вертушку и толкнула дверь землянки:

– Ведагор, ты здесь?

Дневной свет ворвался в темное жилище, освещая стены, увешанные пучками сухих трав, и лавку, которая служила Ведагору и столом, и скамьей. На полу лежала раскатанная постель старца. Землянка была слишком маленькой, чтоб в ней можно было спрятаться. Даже не заходя внутрь, Найдана увидела, что в жилище никого нет, если не считать потревоженной курицы – единственной животины Ведагора, – которая недовольно заквахтала в своем углу. Но эта постель... Как будто Ведагор собирался в спешке. Или был где-то тут, поблизости.

Найдана прикрыла дверь и растерянно оглядела поляну. Подошла к кострищу и, присев, протянула руку к черным углям, почти коснувшись их. Да, они совершенно холодные, в этом сомнений не было. Два дня костер не разжигали. Неужто Ведагор два дня не готовил себе пищу? Значит, старец ушел, и довольно-таки давно. Куда же он мог подеваться? И почему не предупредил, что уходит? Ведь раньше он всегда предупреждал. И почему Найдану не покидало чувство, что он где-то рядом? Все так запутанно! Всматриваясь в деревья, Найдана так и сидела возле потухшего кострища и держала над ним руку, будто это могло что-то изменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.